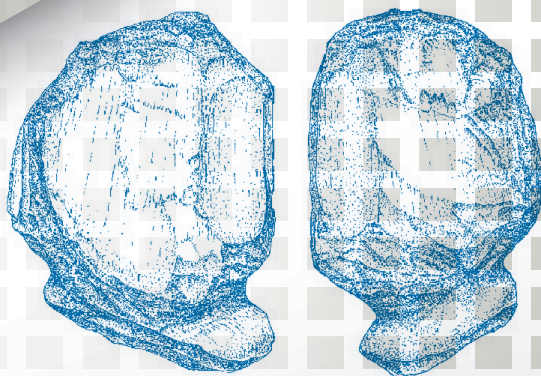

ДРЕВНЕЙШИЙ ПАЛЕОЛИТ КОСТЕНОК: ХРОНОЛОГИЯ, СТРАТИГРАФИЯ, КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ (к 140-летию археологических исследований в Костенковско-Борщевском районе)

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КОСТЕНКИ»

**ДРЕВНЕЙШИЙ ПАЛЕОЛИТ КОСТЕНОК:
ХРОНОЛОГИЯ, СТРАТИГРАФИЯ,
КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ
(к 140-летию
археологических исследований
в Костенковско-Борщевском районе)**

*Материалы
межрегиональной научно-практической конференции
(Воронежская область, с. Костенки,
20–22 августа 2019 г.)*

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2019

УДК 902/903
ББК 63.41(2)
Д73

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Редакционная коллегия:

*А. А. Бессуднов (отв. редактор), С. А. Васильев, А. Е. Дудин,
В. И. Дынин (отв. секретарь), В. Н. Ковалевский, И. В. Котлярова,
С. Н. Лисицын, А. А. Сеницын*

Рецензенты:

*доктор исторических наук, профессор А. З. Винников
(Воронежский государственный университет);
кандидат исторических наук, доцент М. В. Цыбин
(Воронежский государственный университет)*

Д73

Древнейший палеолит Костенок : хронология, стратиграфия, культурное разнообразие (к 140-летию археологических исследований в Костенковско-Борщевском районе) : материалы межрегиональной научно-практической конференции (Воронежская область, с. Костенки, 20–22 августа 2019 г.) / отв. ред. А. А. Бессуднов ; Институт истории материальной культуры РАН ; Государственный археологический музей-заповедник «Костенки». – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. – 112 с.

ISBN 978-5-9273-2863-5

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5

Сборник тезисов межрегиональной научно-практической конференции «Древнейший палеолит Костенок : хронология, стратиграфия, культурное разнообразие (к 140-летию археологических исследований в Костенковско-Борщевском районе)» (Воронежская область, с. Костенки, 20–22 августа 2019 г.). Для археологов, ученых других специальностей, а также всех интересующихся археологией.

Материалы публикуются в соответствии с файлами-оригиналами, представленными авторами.

УДК 902/903

ББК 63.41(2)

*На обложке – голова антропоморфной статуэтки
из культурного слоя IVб Костенок 14, рисунок А. А. Сеницына*

ISBN 978-5-9273-2863-5

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Государственный археологический музей-заповедник
«Костенки», 2019
© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ,
2019

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Васильев С. А.</i> (Санкт-Петербург). Археология палеолита в Петербурге: прошлое и настоящее.....	5
<i>Котлярова И. В.</i> (Воронеж). Музей-заповедник «Костенки» и ИИМК РАН: история взаимоотношений.....	8
<i>Захарова Е. Ю.</i> (Воронеж). О роли воронежских ученых и краеведов в изучении Костенковско-Борщевского археологического района.....	13
<i>Зражевская Т. Д.</i> (Воронеж). Правовые механизмы реализации конституционной обязанности заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (археологический аспект).....	19
<i>Кулаков С. А.</i> (Санкт-Петербург). Костенки в палеолите.....	24
<i>Синицын А. А.</i> (Санкт-Петербург), <i>Бессуднов А. А.</i> (Санкт-Петербург), <i>Лада А. Р.</i> (Санкт-Петербург). Проблема структуры раннего верхнего палеолита в костенковском и общеевропейском контексте.....	31
<i>Дудин А. Е.</i> (Воронеж). Культурные слои и горизонты в западной части стоянки Костенки 11 (Аносовка 2): стратиграфия, характер распространения, культурный облик ...	36
<i>Степанова К. Н.</i> (Санкт-Петербург), <i>Малютина А. А.</i> (Санкт-Петербург), <i>Бессуднов А. А.</i> (Санкт-Петербург). Подвески из органических и минеральных материалов в коллекции II слоя Костенок 17	40
<i>Толстых Д. С.</i> (Воронеж), <i>Родионов А. М.</i> (Воронеж). Некоторые предметы костяной индустрии со стоянки Костенки 12	49
<i>Лисицын С. Н.</i> (Санкт-Петербург). Граветт и эпиграветт в археологической летописи Костенок на текущем этапе исследований.....	55

<i>Желтова М. Н.</i> (Санкт-Петербург). Фаунистические коллекции костенковских палеолитических стоянок как источник информации	66
<i>Бессуднов А. Н.</i> (Липецк). Поздняя пора верхнего палеолита Дивногорья и Костенок: общее и особенное.....	76
<i>Панин А. В.</i> (Москва), <i>Синицын А. А.</i> (Санкт-Петербург), <i>Бессуднов А. А.</i> (Санкт-Петербург). Время и продолжительность периодов эрозии по разрезам палеолитических стоянок костенковской группы	79
<i>Седов С. Н.</i> (Мехико, Тюмень), <i>Синицын А. А.</i> (Санкт-Петербург). Древние погребенные почвы разреза Костенок 14: педогенетические особенности, стратиграфия и палеоэкологическая интерпретация	82
<i>Константинов Е. А.</i> (Москва), <i>Пономарева В. В.</i> (Петропавловск-Камчатский), <i>Карпухина Н. В.</i> (Москва), <i>Мазнева Е. А.</i> (Москва), <i>Портнягин М. В.</i> (Киль), <i>Зеленин Е. А.</i> (Москва), <i>Новикова А. В.</i> (Москва). Тефра и криптотефра на Восточно-Европейской равнине – новые перспективы в геохронологии	85
<i>Губар Ю. С.</i> (Новосибирск), <i>Синицын А. А.</i> (Санкт-Петербург), <i>Урюпов С. О.</i> (Санкт-Петербург), <i>Лбова Л. В.</i> (Новосибирск). Физико-химический анализ пигментов стоянки Костенки 14	90
<i>Прилепская Н. Е.</i> (Москва), <i>Бурова Н. Д.</i> (Санкт-Петербург), <i>Синицын А. А.</i> (Санкт-Петербург). Сезонность функционирования памятника Костенки 14 (Маркина гора), слой IVa (по данным естественно-научных методов).....	93
<i>Васильев С. В.</i> (Москва), <i>Боруцкая С. Б.</i> (Москва), <i>Герасимова М. М.</i> (Москва), <i>Бессуднов А. А.</i> (Санкт-Петербург), <i>Артюшенко А. А.</i> (Санкт-Петербург). Особенности строения скелета ребенка из погребения на стоянке Костенки 18.....	97
<i>Зейналов А. А.</i> (Баку). Мустьерские памятники левобережья Куры (Азербайджан, Джейранчельская степь)	103
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	107
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	109

С. А. Васильев

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

АРХЕОЛОГИЯ ПАЛЕОЛИТА В ПЕТЕРБУРГЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-5-7

Нынешняя конференция в Костенках проходит в знаменательный год столетия образования РАИМК – предшественника Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН [Институт археологии..., 2019; Прошлое человечества..., 2019]. Изучение палеолита традиционно является одним из основных направлений деятельности археологов Санкт-Петербурга. Мы опираемся при этом на богатые традиции петербургской школы исследователей древнейшего прошлого. Напомним, что оба крупнейших достижения отечественных археологов, вошедшие в золотой фонд мировой науки о древностях, а именно открытие феномена палеолитических жилищ и экспериментально-трассологический метод С.А. Семенова, исторически связаны с нашим научным центром. На всех этапах сложного пути развития археологии памятники Костенок неизменно находились в центре внимания, будучи основой формирования сменявшихся друг друга концепций верхнего палеолита.

Ныне большинство исследователей связано с Отделом палеолита ИИМК РАН. Кроме Отдела, в институте функционирует экспериментально–трассологическая лаборатория, сотрудники которой, наряду с собственно экспериментальными, технологическими и трассологическими штудиями, ведут активные полевые работы. Помимо этого, специалисты по палеолиту трудятся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Эрмитажа, Отделе археологии Кунсткамеры и на кафедре археологии Санкт-Петербургского университета.

Территориальный размах проводимых работ впечатляет – экспедиционными маршрутами охвачено огромное пространство Северной Евразии от Молдавии до Якутии, от Закавказья

до Енисея. Хронологический охват исследуемых памятников столь же велик: от древнейших стоянок Кавказа до финала древнекаменного века. Несмотря на сложную политическую обстановку, петербургские археологи в сотрудничестве с местными коллегами продолжают работы на территории Абхазии, Армении, Азербайджана, Молдавии и Приднестровья. Новыми моментами стало возобновление после долгого перерыва изучения палеолита Крыма и начало совместных изысканий в Белоруссии.

Основные исследования по нижнепалеолитической тематике традиционно связаны с территорией Кавказа. В Армении Е. В. Беляева продолжает раскопки древнейшего ашельского памятника Карахач. До недавнего времени в полевых работах принимал участие старейший в мире археолог В. П. Любин. Российско-азербайджанская экспедиция (А. А. Зейналов, С. А. Кулаков) изучает ашельские местонахождения Гараджа на Мингечаурском водохранилище. В. Е. Щелинский и С. А. Кулаков ведут исследование раннепалеолитических памятников на берегу Азовского моря (Богатыри/Синяя Балка, Кермек, Родники 1–4).

Группа сотрудников Отдела (Л. Б. Вишняцкий, А. К. Очередной, П. Е. Нехорошев, К. Н. Степанова) сосредоточилась на реализации обширной многолетней программы по комплексному изучению среднего палеолита Русской равнины. В центре внимания участников проекта находится проблема установления хронологии среднего палеолита Восточной Европы и ее соотношение с памятниками начальной поры верхнего палеолита. С этой целью проводится ревизия известных среднепалеолитических стоянок и комплексное изучение на современном уровне их стратиграфии. Исследованиями охвачены памятники долины Десны (Хотылево I, Бетово), Молдавии (гrotы Брынзены и Буздужаны, Тецканы X), Приазовья (Рожок I, Носово I), Нижнего Дона (Бирючьа Балка II) и Поволжья (Шлях, Сухая Мечетка).

Основные исследования по верхнепалеолитической тематике традиционно связаны с Костенками. А. А. Сеницын и А. А. Бесуднов продолжают раскопки стоянки Костенки 14. Здесь был открыт наиболее ранний в Восточной Европе верхнепалеоли-

тический комплекс. С. Н. Лисицын ведет работы на многослойной стоянке Борщево 5 с культурными слоями ранней и средней поры верхнего палеолита. В последние годы возобновлено изучение ряда известных многослойных стоянок (Костенки 12, 17, 21).

Ряд экспедиций работает в центральной части Русской равнины. Экспедиция Санкт-Петербургского университета под руководством В. И. Беляевой, ведет многолетние раскопки одного из основных памятников восточного граветта – стоянки Пушкари I. Что касается изучения поздней поры верхнего палеолита, памятников мадленского времени, отметим возглавляемую Г. А. Хлопачевым из Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) экспедицию в Юдиново. А. А. Бессуднов вместе с коллегами из Воронежского и Липецкого университетов ведет раскопки на местонахождениях поздней поры верхнего палеолита в Дивногорье (Воронежская обл.).

В меньшей мере исследованиями охвачена территория Сибири. С. А. Васильев в сотрудничестве с археологами Хакасского госуниверситета (В. С. Зубков) ведет изучение нового района сосредоточения позднепалеолитических памятников в бассейне верхнего течения р. Абакан (Хакасия). Он же в составе новостроечной экспедиции, работающей по трассе строящейся железной дороги Кызыл-Курагино (Красноярский край), продолжил раскопки стоянки финального палеолита Ирба 2. В Якутском Заполярье В.В. Питулько руководит многолетними работами на Янской стоянке – самом северном в мире сосредоточении памятников палеолита.

Активная деятельность петербургских археологов существенно влияет на развитие науки о палеолите в нашей стране и сопредельных государствах, продолжая славные традиции, заложенные П. П. Ефименко, А. П. Окладниковым и П. И. Борисовским.

Литература

1. Институт археологии РАН. Сто лет истории / под ред. Н. А. Макарова. – М.: ИА РАН, 2019. – 320 с.
2. Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий / под ред. Ю. А. Виноградова, С. А. Васильева, К. Н. Степановой. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. – 420 с.

И. В. Котлярова

*Государственный археологический музей-заповедник
«Костенки», г. Воронеж*

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КОСТЕНКИ» И ИИМК РАН: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-8-12

История взаимоотношений двух организаций – ИИМК РАН и ГБУК ВО «Государственный археологический музей-заповедник «Костенки» началась в 60-е годы XX века. И взаимоотношения эти были чрезвычайно тесные и близкие, можно сказать, родственные, поскольку ЛОИА АН СССР (теперь ИИМК РАН) был одним из родителей музея. Раскапывая культурный слой Ia стоянки Костенки 11 в 1960 году, А. Н. Рогачев обнаружил остатки жилища из костей мамонта. По его инициативе это жилище стало не только изучаться, но и сохраняться. Все 1960-е годы Костенковская экспедиция ЛОИА практически все время полевых исследований уделяла этому памятнику, раскапывая и консервируя его при помощи Воронежского областного краеведческого музея. Воронежский музей стал вторым родителем костенковского музея, в лоне которого и появился филиал «Костенки» в 1967 году. Тогда здание филиала в Костенках представляло собой небольшое сооружение из бревен и досок над жилищем из костей мамонта, защищавшего его от дождя и снега. Этот музейный «павильон», как его называл Александр Николаевич, уже в конце 1960-х годов стал местом паломничества туристов со всей Воронежской области и гостей региона.

На первом этапе развития взаимоотношений между вышеупомянутыми учреждениями, пришедшегося на 60–80-е годы XX века, музей, несмотря на то, что он находился в структуре областной музейной организации, большей частью воспринимался как некий форпост ЛОИА в Воронежской области. Сотрудники все лето были прикомандированы к археологической экспедиции, занимались раскопками стоянки Костенки 11 и некоторых других стоянок. Приема посетителей до

© Котлярова И. В., 2019

1980-х годов в классической его форме не было, поскольку не было постоянного здания. И эта функция выполнялась эпизодически, по требованию. А. Н. Рогачев считал, что все сотрудники, работающие в музее, обязательно должны пройти «стажировку» в экспедиции, получить базовые научные знания по археологии. «При отсутствии этого стремления и успехов в учебе он (сотрудник, *прим. авт.*) может быть лишь плохим музейным работником и экскурсоводом», – писал Александр Николаевич в одном из писем А. П. Соловьеву [Рогачев, 1968]. Выбирались сотрудники на работу в филиал, как правило, по рекомендациям руководителей Костенковской экспедиции – А. Н. Рогачева и Н. Д. Праслова. Именно так попали на работу в музей В. В. Попов, И. В. Котлярова и А. Е. Дудин.

В 1979 году было построено здание музея, в начале 1980-х создана экспозиция, и музей открыл свои двери для посетителей. Теперь львиная доля летнего рабочего времени сотрудников филиала, которых тогда было только два человека, стала уходить на обслуживание гостей музея. Поэтому они уже не могли безоговорочно проводить все летние дни в экспедиции ЛОИА в качестве археологов, как это было ранее, а участвовали в археологических работах в свободное от основной работы время. Так, во второй половине 1980-х годов рабочий летний график младшего научного сотрудника филиала И. В. Котляровой складывался следующим образом: вся первая половина дня уходила на прием организованных групп посетителей в музей, а вторая часть дня была посвящена работе на раскопе стоянки Костенки 1. Но никакой иной музейной работы, такой, например, как работа в фондах, создание выставок, проведение музейных мероприятий, кроме приема посетителей, филиал тогда практически не вел. Научная работа сотрудников филиала непосредственно была связана с археологическим памятником Костенки 11. В 1989 году тогда уже бывшим заведующим филиала «Костенки» В. В. Поповым, была написана и защищена кандидатская диссертация «Развитие позднепалеолитической культуры Восточной Европы по материалам многослойной стоянки Костенки 11». В 1988 году И. В. Котлярова

защитила дипломную работу «Палеолитическое жилище как исторический источник (на примере верхнего культурного слоя стоянки Костенки 11)», научным руководителем которой был Н. Д. Праслов.

Иными словами, этот первый период в развитии музея можно назвать периодом детства, когда ребенок, не рассуждая, полностью полагается на волю своих родителей. В случае с филиалом «Костенки» это были Воронежский краеведческий музей и Ленинградское отделение института археологии АН СССР.

Глобальные изменения начала 1990-х совпали с изменением музейного статуса: из небольшого филиала в рамках областного музея он становится самостоятельной организацией – музеем-заповедником, правда, на том этапе больше декларативно. В оперативном управлении музея-заповедника не было тогда даже земли, находящейся под зданием музея. И этот второй этап в развитии взаимоотношений, продолжавшийся с начала 1990-х вплоть до 2012 года, по праву можно назвать периодом отрочества и начала юношества музея. В отношениях с ИИМК РАН в 1990-е годы сложились весьма напряженные отношения. В 1991 году между музеем-заповедником «Костенки» и ИИМК РАН был заключен договор сроком на пять лет, исходя из которого музей должен был финансировать исследовательские работы Института, а второй обязан был отдавать все полученные в результате исследований материалы в фонды музея [Договор о сотрудничестве, 1991. С. 1–2]. Двусторонние обязательства выполнены не были, что было и немудрено при тех сложных центробежных процессах. К тому же достиг своего апогея личный конфликт между директором музея-заповедника Д. А. Волковым и руководителем экспедиции Н. Д. Прасловым, что вкупе и привело к почти полному разрыву между организациями практически до начала XXI века.

Восстановление рабочих отношений между музеем и ИИМК началось на личных связях: в 1998–2000 годах сотрудники музея А. Е. Дудин и И. В. Котлярова приняли участие в раскопках в рамках грантовых проектов сотрудника ИИМК

РАН А. А. Синецина. С 2001 по 2012 гг. музей принимает участие в раскопках в рамках грантовых проектов другого сотрудника ИИМК РАН М. В. Аниковича. Это тесное взаимодействие, которое всячески поддерживал тогдашний директор музея В. В. Попов, сыграло большую роль в подготовке музейных археологов, поскольку они непосредственно были включены в процесс исследований и стали принимать самостоятельное участие в этих проектах. Хорошую археологическую практику получили А. Ю. Пустовалов, С. С. Чернышов, Т. В. Попова (Кондаурова). Однако пришедшее в музей новое поколение сотрудников видело главную часть своей работы именно в археологической экспедиции, воспринимая собственно музейную работу (экскурсии, начинающиеся выставки) как второстепенную. К тому же взаимодействие музея и экспедиций ИИМК, которых в ту пору было две, носило выборочный и личностный характер, усугубляя разногласие между всеми участниками археологических работ в Костенках. Однако следует признать, что при проведении международной конференции 2004 года эти разногласия удалось преодолеть и достойно провести это серьезное научное мероприятие.

С 2012 года начинается новый этап взаимоотношений ИИМК РАН и музея-заповедника «Костенки», который продолжается до настоящего времени. Это этап юности и молодости: первого осознания своих собственных сил, первого осознания своих личных успехов. Он связан с тем, что перед музеем Министерством культуры РФ были поставлены серьезные специфически музейные задачи: создание и экспонирование временных выставок, пристальное внимание к учету музейных фондов, проведение многочисленных мероприятий, многие из которых проводятся в рамках Всероссийских акций. И именно в это время на прилегающей к музею территории в результате охранных работ 2013 года открывается один из самых значимых памятников Костенок за всю историю их исследований, который стал раскапываться силами музея: сначала в результате финансирования раскопок департаментом культуры Воронежской области, а затем на средства привлеченных грантов. И на данном этапе ИИМК не бросил свое-

го уже взрослого ребенка, оказывая ему консультационную и иную помощь в процессе исследований этой яркой стоянки.

Каким видится взаимодействие музея и института в дальнейшем? Оно должно стать еще более тесным и результативным. Хочется надеяться, что развитие отношений между организациями подошли к этапу серьезной паритетной работы с разделением обязанностей для достижения единой цели: как можно более полного изучения знаменитых костенковских стоянок и первоклассного представления их научной и широкой общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рогачев А. Н.* Письмо А.П. Соловьеву от 25 декабря 1968 года // Архив ВОКМ, 1968.

2. Договор о сотрудничестве музея-заповедника «Костенки» и ИИМК РАН // Архив музея-заповедника «Костенки», 1991.

Е. Ю. Захарова

Воронежский государственный университет, Воронеж

О РОЛИ ВОРОНЕЖСКИХ УЧЕНЫХ И КРАЕВЕДОВ В ИЗУЧЕНИИ КОСТЕНКОВСКО-БОРЩЕВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЙОНА*

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-13-18

Костенковско-Борщевский археологический район богат памятниками всех археологических эпох от палеолита до нового времени, но приоритетными в изучении традиционно остаются верхнепалеолитические и раннесредневековые (славянские), благодаря которым он более всего и известен. Интерес к археологическим объектам окрестностей сел Костенки и Борщеве как в среде специалистов, так и в кругах местных любителей старины закономерно стимулировался работами столичных исследователей, история полевой и аналитической деятельности которых достаточно детально изучена. Меньшее внимание в литературе уделяется роли воронежских ученых и краеведов в археологическом изучении этого района, что и обусловило тему данного сообщения.

На протяжении второй половины XIX – первых десятилетий XX вв. древности Костенковско-Борщевского района эпизодически становились объектом внимания краеведов в рамках деятельности Губернского статистического комитета (далее – ВГСК). О ее результатах мы можем судить по нескольким публикациям в тематических изданиях ВГСК [Вейнберг, 1887] и периодической печати (как местной, так и столичной) [Майнов, 1875; Зверев, 1893 и др.]. Нашла отражение в печати и информация о предпринятом в 1890 г. членами ВГСК Л. Б. Вейнбергом и Е. Л. Марковым обследовании Костенковско-Борщевского района, в ходе которого они осмотрели «валы «Кудеярова городка» и места обнаружения

© Захарова Е. Ю., 2019

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Воронежской области в рамках научного проекта № 18-49-360007

костей мамонтов», а также приняли участие в раскопках кургана у х. Должанка [Марков, 1891. С. 81–89]. Обилие курганов в окрестностях Костенок подвигло Е. Л. Маркова назвать этот участок губернии «страной курганов» [Марков, 1891. С. 86].

На рубеже веков, в преддверии XII Археологического съезда, при ВГСК начала работу «особая подготовительная комиссия», включившая в программу своей деятельности и раскопки курганов близ слободы Костенки [Зверев, 1904. С. 149]. Спустя немногим более месяца эта комиссия была слита с образованной в Воронеже ученой архивной (далее – ВУАК). В дальнейшем археологическая проблематика занимает все большее место в деятельности ВУАК. Уже в рамках ее работы С. Е. Зверев и А. И. Милютин осенью 1904 г. продолжили обследование воронежских окрестностей, осмотрев территорию в пределах 30–40 км вокруг города. В разных местах был собран подъемный материал. Из Костенок в музей привезли кости мамонта [Труды, 1908. С. XXXVI–XXXVIII].

В первые послереволюционные годы к Губернскому музею переходят функции организующего краеведческого центра. Археологическую деятельность в нем тогда развернули С. Н. Замятнин и Д. Д. Леонов, а немногим позднее к ним присоединился Н. В. Валукинский. С 1922 г. именно музей возобновил раскопки в с. Костенки, а также взял на себя труд по обработке возвращенного в Воронеж материала из раскопок 1916 г. [ГАВО. Ф. Р – 1. Оп. 1. Д. 955. Л. 4]. Неслучайно в отчетной документации этого учреждения за 1922–1923 гг. читаем, что в экспозиции отдела первобытных древностей «хорошо представлен палеолит с его стоянками в Костенках» [ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.]. В первой половине 1923 г. С. Н. Замятнин побывал в Москве, куда был командирован «для обработки коллекций эпохи каменного века» [ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 1. Л. 8]. Надо полагать, во время этой командировки и была достигнута договоренность с П. П. Ефименко об организации совместных раскопок, под руководством последнего, в Костенках и Борщеве. Согласно «Протоколу заседания коллектива служащих Воронежского Губернского Музея от 1 августа 1923 г.» совместная экспедиция Воронежского и Русского музеев на средства по-

следнего под руководством П. П. Ефименко начала свою работу с 18 июля и продолжалась полтора месяца. От воронежского музея в раскопках вместе с С. Н. Замятниным приняли участие научные сотрудники В. К. Быстржинский и Д. Д. Леонов [ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 4. Л. 3]. Материалы раскопок, которые производились за счет Центра, уехали в Петроград [ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 1. Л. 8]. Воронежский музей планировал возобновить самостоятельные раскопки памятников Костенковско-Борщевского района в 1925 г. [ГАВО. Ф. Р – 904. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–5], но вынужден был отказаться от задуманного в связи с аналогичным намерением В. А. Городцова [ГАВО. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 18. Л. 21]. Последнее, впрочем, также не было реализовано. Приоритет, как известно, вплоть до настоящего времени сохранила за собой Ленинградская (Санкт-Петербургская) экспедиция, одним из итогов работы которой стало создание в Костенках сначала филиала Воронежского краеведческого музея (с 1979 г.), а затем и самостоятельного музея-заповедника (с 1991 г.). За прошедшие годы музей-заповедник «Костенки» прочно занял позиции самостоятельного научно-просветительского центра в области археологии.

Процесс формирования и развития в Воронеже университетской научной школы в области археологии также неразрывно связан с исследованиями в Костенковско-Борщевском районе. Именно здесь, в составе Костенковской палеолитической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством А. Н. Рогачева, в 1948 г. начала свою полевую деятельность в качестве преподавателя ВГУ А. Н. Москаленко, возглавив инициативную группу студентов. Ее первый опыт в этом направлении детально обсуждался на заседании ученого совета факультета (19.10.1948) [ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 6. Л. 11–12]. В 1950-е гг. были заложены основы творческого содружества университета с такими известными учеными, как П. И. Борисковский, М. М. Герасимов, С. Н. Замятнин, А. Н. Рогачев. Не случайно, что студенты историко-филологического факультета ВГУ 1950-х годов Л. М. Тарасов и Н. Д. Праслов стали профессиональными исследователями палеолита, связав свою жизнь с ИИМК (ЛОИА) АН СССР. В настоящее время этот

же путь избрал для себя и выпускник исторического факультета ВГУ А.А. Бессуднов.

Первая самостоятельная разведка А. Н. Москаленко (1949 г.) также связана с Костенковско-Борщевским районом в рамках организованного Воронежским госуниверситетом комплексного обследования Гремяченского района Воронежской области в порядке оказания шефской помощи. Отрядом под ее руководством был осуществлен осмотр и шурфовка уже известных памятников: стоянки у хут. Семидворки Костенковского сельсовета (в 1932 г. обследовалась В. И. Равдоникасом), Голышевского (с. Архангельское) городища (в начале XX в. изучалось А. А. Спицыным и Н. Е. Макаренко), а также открыты три новых пункта с материалами эпохи бронзы: у дер. Погоново, в с. Рудкино, в с. Костенки на территории фруктового сада [Москаленко, 1949. Л. 9–10; Москаленко, 1952. С. 105–107].

Начатые полевые археологические работы повлияли на направленность научной и учебно-исследовательской работы факультета. На заседании кафедры всеобщей истории уже 06.09.1949 г. было принято решение обсудить на ученом совете вопрос об изучении истории Воронежской области [ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 16. Л. 4]. Одним из плодотворных результатов поставленной задачи стал выход в 1961 г. первого тома «Очерков истории Воронежского края», где глава первая написана А. Н. Москаленко [Москаленко, 1961. Л. 9–27]. В сентябре того же 1949 г. были утверждены темы первых на факультете дипломных работ по археологии (рук. А. Н. Москаленко): «Славянские поселения на Дону» (Сойхер) и «Древнейшая история Гремяченского района по археологическим данным» (Банникова) [ГАВО. Ф. 33. Оп. 16. Д. 16. Л. 7].

Несмотря на проведение в первые годы своей деятельности в Воронеже полевых работ на разновременных памятниках региона, А. Н. Москаленко сохранила верность славянской проблематике. На майском (1952 г.) заседании кафедры в качестве темы своих научных изысканий она уже определенно заявила следующую: «Славянские памятники VIII–IX вв. на территории Днепровского левобережья. Роменско-борщевская культура» и просила прикомандировать в докторантуру с 1956 г. [ГАВО.

Ф. 33. Оп. 16. Д. 29. Л. 22, 22об.]. В 1963 г. под руководством А. Н. Москаленко была организована первая университетская экспедиция по изучению Боршевских памятников. Ею исследовались Большое и Малое Боршевские городища, площадь примыкающего селища, курганный могильник [Москаленко, 1963]. На последнем памятнике работы были продолжены в 1965 г. [Москаленко, 1965]. Материалы, полученные в процессе раскопок, дали возможность А. Н. Москаленко в многочисленных публикациях всесторонне охарактеризовать материальную и духовную культуру донских славян. Работы на Боршевском могильнике впоследствии возобновлялись университетской экспедицией под руководством А. З. Винникова (1980 г.), В. Н. Ковалевского (1994 г.). В последние годы Боршевские памятники находятся в сфере пристального внимания археологов музея-заповедника «Костенки» во главе с В. Н. Ковалевским, последовательно реализующих программу по их сохранению.

Сохраняя в качестве магистрального направления своей научной деятельности палеолитоведение, музей-заповедник «Костенки» к настоящему времени объединяет коллектив высококлассных специалистов в этой области, лидером которых является А. Е. Дудин. В 2014–2018 гг. в полевых археологических работах на стоянке Костенки 11, инициированных музеем-заповедником, в рамках договора о сотрудничестве принял участие и отряд экспедиции ВГУ под руководством М. В. Цыбина. Совместные исследования вновь закономерно стимулировали интерес студенчества к различным аспектам палеолитоведения и способствовали появлению серии выпускных квалификационных работ бакалавров и магистров исторического факультета ВГУ, а также студенческих публикаций по эпохе палеолита.

Сейчас воронежская археология переживает не самые лучшие времена, что обусловлено обстоятельствами, далекими от сферы исследовательского поиска. Надеюсь, что высокий научный потенциал, накопленный ее представителями за прошедшие десятилетия, в том числе и при изучении Костенковско-Боршевского археологического района, позволит с честью выйти из сложившейся ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вейнберг Л. Б.* Городища и курганы в Воронежской губернии: Извлечено из дел Воронежского губернского статистического комитета // *Материалы для истории Воронежской и соседних губерний: Воронежские акты.* Т. 1. – Воронеж, 1887. – С. 412–420.
2. *Зверев С. Е.* Воронежские древности (статистические данные о находках древних каменных и бронзовых изделий в Воронежской губернии с 1863 по 1893 г.) // *Памятная книжка Воронежской губернии на 1893 год.* – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1893. – С. 161–167.
3. *Зверев С. Е.* Воронеж на XII Археологическом съезде // *Труды Воронежской ученой архивной комиссии.* – Вып. 2. – Воронеж: Типо-литография Губернского Правления, 1904. – С. 147–157.
4. *Майнов В. Н.* Остатки засечно-сторожевой линии в пределах Воронежской губернии // *Древняя и Новая Россия.* – СПб., 1875. – Т. II. – С. 59–77.
5. *Марков Е. Л.* Древний город Костенск (Из поездок по Дону) // *Русский вестник.* – СПб., 1891. – Т. 217. – Кн. 12. – С. 72–90.
6. *Москаленко А. Н.* Отчет к открытому листу № 11 на археологические разведки без права производства земляных работ по реке Дону и его притокам в пределах Воронежской и Сталинградской областей. 1949 г. // *НА ИА РАН.* Ф – 1. Р – 1. 1949. № 326. 66 л.
7. *Москаленко А. Н.* Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону (Материалы к археологической карте Воронежской области) // *КСИИМК.* – 1952. – Вып. XLIII. – С. 105–107.
8. *Москаленко А. Н.* Воронежский край в эпоху первобытнообщинного строя и становления феодализма // *Очерки истории Воронежского края. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.* – Т. 1. – Воронеж: ЦЧКИ, 1961. – С. 9–27.
9. *Москаленко А. Н.* Отчет об археологических раскопках славянских памятников в с. Борщцево Гремяченского р-на Воронежской обл. и славянского поселения у г. Ливны Орловской обл. 1963 г. // *НА ИА РАН.* Ф – 1. Р – 1. 1963. № 2669. 76 л.
10. *Москаленко А. Н.* Отчет о работе Славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета. 1965 г. // *НА ИА РАН.* Ф – 1. Р – 1. 1965. № 3056. 84 л.
11. *Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии.* – Т. IV. – Воронеж, 1908. – 71, 170–416, XLIV, XCVIII с.

Т. Д. Зражевская

*Уполномоченный по правам человека в Воронежской области;
Воронежский государственный университет, Воронеж*

**ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
КОНСТИТУЦИОННОЙ ОБЯЗАННОСТИ
ЗАБОТИТЬСЯ О СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО
И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ, БЕРЕЧЬ
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
(АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-19-23

Конституция Российской Федерации устанавливает обязанность каждого человека заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ч. 3 ст. 44). Государство ответственно перед гражданами за обеспечение системы правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных мер, направленных на выявление, учет, изучение объектов культурного наследия, предотвращение их разрушения или причинения им вреда, контроль за сохранением и использованием объектов культурного наследия (в том числе, археологического).

Механизмы реализации конституционной обязанности сформулированы в международных и внутригосударственных нормативных актах. Международные акты, являясь в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью российской правовой системы, в качестве своей цели закрепляют обеспечение охраны археологического наследия как источника европейской коллективной памяти и инструмента исторических и научных исследований. Ратифицированы важнейшие международные акты: Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, принятая 6 ноября 1972 г. на 17 сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО [Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М., 1993. С. 290–302]; Европейская конвенция об охране археологического наследия (пере-

смотренная, ETS № 143) [см.: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 163-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной)» // Российская газета. 2011. 30 июня]. Это позволило определить необходимость отражения охраны археологического наследия в государственной политике: ответственность за охрану археологического наследия должны нести не только прямо заинтересованные государства, но и все европейские страны.

К внутригосударственным нормативным актам относятся: «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1], Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519], Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 № 54-ФЗ [Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 27.12.2018, № 0001201812270073].

Во исполнение данных законов Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 утвердил «Основы государственной культурной политики», где впервые культура возведена в ранг национальных приоритетов и признается ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России. Принято распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 года №326-р «О стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года», детализирующее вышеуказанные программные акты.

Задача российского государства – обеспечить выявление, охрану, сохранение, популяризацию и передачу будущим поколениям археологического наследия, элементами которого считаются все останки и предметы, а также любые другие следы человеческой деятельности прошлых эпох. Их сохранение и изучение помогает сформировать знания о древней истории человечества; проследить историю человечества и его связь с

природной средой; уменьшить риск разрушения (со стороны подпольных и иных ненаучных раскопок) и содействовать сохранению за счет экспертного сообщества. Археологическое наследие включает строения, сооружения, архитектурные ансамбли, освоенные участки, перемещаемые предметы, памятники иного рода, а также окружение, находящееся на земле или под водой, источниками информации которых являются раскопки или находки, а также другие методы изучения истории человечества и соответствующей природной среды.

Данные правовые механизмы недостаточно полно использованы в деятельности Государственного археологического музея-заповедника «Костенки», относящегося к комплексу памятников каменного века мирового значения, главной целью которого является сохранение уникальных археологических памятников Костенковско-Борщевского верхнепалеолитического района и их научное и культурное использование. Обладая статусом особо охраняемых историко-культурных территорий, музей-заповедник требует дальнейшего развития, поскольку его территория в настоящем масштабе не позволяет реализовывать как просветительскую, так и охранную функции музея в современном объеме. Наряду с необходимостью придания ему статуса федерального учреждения культуры, важно определить (расширить) границы музея заповедника, исходя из учета его культурного и природного потенциала, сохранности комплексов объектов культурного наследия, культурных ландшафтов и исторического пространства в целом.

Поэтому одним из путей реализации на территории Воронежской области вышеуказанных международных и нормативных правовых актов возможно не только обозначение границ музея-заповедника, но и включение населенных пунктов Костенки и Борщевое в перечень исторических поселений федерального значения, утверждения его предмета охраны, границ территории.

Анализ правовых актов показывает необходимость активного межведомственного, межотраслевого взаимодействия и общественно-государственного партнерства. Необходимо развивать государственно-частное партнерство с целью объедине-

ния усилий науки и предпринимателей в целях формирования Национального археологического Центра исследования и создания археолого-туристского кластера. Это поможет, разработать пилотный проект, направленный, с одной стороны, на развитие научных исследований и прикладных методов формирования музейных ценностей, введения процедур научного контроля; с другой, – на развитие туристического потенциала исторического поселения, популяризации туристской привлекательности «Костенок», создание инфраструктурных условий и развитие внутреннего, в том числе познавательного, этнического и паломнического туризма; брендинг территорий. Существующий мировой опыт, в том числе иностранных государств с развитой системой поддержки культуры из внебюджетных и иных альтернативных источников финансирования, свидетельствует, что многоканальная система финансирования может включать в себя следующие (дополнительные к существующим) элементы: нормативы бюджетного финансирования; общенациональная лотерея в области культуры; эффективная система налоговых преференций; институт бюджетных назначений; маркированные налоги; фонды целевого капитала (эндаумент-фонды).

Одновременно выполняется и важнейшая задача по патриотическому воспитанию граждан с учетом динамично меняющейся ситуации, возрастных особенностей молодежи. Американский ученый профессор археологии из Колорадского университета Джон Хоффекер сделал сенсационное заявление в журнале «Сайнс»: *Homo sapiens* появился сначала на территории среднего течения Дона, а уже потом перешел в Европу; он уверен, что в Костенках произошло формирование зачатков будущей человеческой цивилизации. Доказательствами теории того, что Костенки – «колыбель» европейцев, стали палеомагнитные и радиоуглеродные анализы пепла, спор и пыльцы растений, обнаруженных на стоянках. Российские исследователи выяснили, что самым древним материалам 40–42 тысячи лет. А их коллеги из США при помощи термolumинесцентных методов пришли к выводу, что их возраст еще больше – 50 тысяч лет. Благодаря усилиям российских исследователей

дователей теперь есть все основания полагать, что на территории Костенок располагался древнейший на планете протогород с населением 200–300 человек.

Комплексное использование правовых механизмов позволит включиться в международные и федеральные программы (например, федеральная государственная программа «Развитие культуры и туризма до 2020 года»), принимать юридические, научные, технические и финансовые меры для выявления, охраны, сохранения и восстановления этого исторического наследия. Доходный туристско-рекреационный комплекс поможет внести свой вклад в достижение цели Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года – создание эффективной и ресурсно обеспеченной системы сохранения объектов культурного наследия; увеличение количества российских объектов, включенных в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров В. Е. О некоторых правовых вопросах организации деятельности субъектов туризма в регионах Российской Федерации // Туризм: право и экономика. – 2017. – № 4. – С. 10–12.
2. Калинин Г. И. Определение кода идентичности исторических поселений – восприятие через призму реальности (проблемы нормотворчества и административно-правового регулирования) // Туризм: право и экономика. – 2019. – № 2. – С. 3–7.
3. Никифоров А. А. О критериях историко-культурной ценности исторических поселений // Культура: управление, экономика, право. – 2016. – № 2. – С. 38–47.
4. Пахалов А.М., Сакс Д. Г. Развитие туристских кластеров в регионах России: институциональные и маркетинговые аспекты // Туризм: право и экономика. – 2019. – № 1. – С. 14–18.
5. Пожигайло П. П. Культура как цель существования государства // Культура: управление, экономика, право. – 2012. – № 2. – С. 3-725-27.
6. Прудников Я. В. Археология и строительство: конфликт или сотрудничество? // Культура: управление, экономика, право. – 2013. – № 3. – С. 25–27.

С. А. Кулаков

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

КОСТЕНКИ В ПАЛЕОЛИТЕ*

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-24-30

Открытие и исследование Костенковско-Борщевского верхнепалеолитического комплекса стоянок имеет основополагающее значение для изучения всего каменного века Евразии.

140-летние полевые работы в Костенках стали эталоном для раскопок сложнейших долговременных поселений кроманьонцев в Старом Свете. Во время более чем столетних полевых исследований в Костенках были придуманы и апробированы многие методические приемы изучения уникальных стоянок с костно-земляными жилищами первых людей в Восточной Европе. Раскопки костенковских стоянок вошли в мировой золотой фонд археологии и стали основой и учебным пособием для проведения широкомасштабных полевых исследований многослойных палеолитических памятников [Васильев, 2008].

Наряду с непреходящим значением полевых исследований в Костенках, огромна роль результатов изучения всего комплекса данных, полученных в результате многолетних междисциплинарных работ на памятниках. В настоящее время считается общепринятым, что некоторые культурные слои на многих костенковских стоянках датируются гораздо древнее возможностей радиоуглеродного метода (много древнее 50 тыс. лет назад). Это дает основания считать, что в Костенках фиксируются следы первого расселения *Homo sapiens* в Восточной Европе. Уникальность этого явления многозначна, т.к. первые кроманьонцы на Русской равнине жили много тысячелетий, судя по новым данным, в окружении неандертальских коллективов. Вопросы о том, как взаимодействовали, и взаимодействовали ли вообще, разные виды рода *Homo* чрезвычайно интересны и важны. Представляется, что многие от-

© Кулаков С. А., 2019

* Исследование выполнено в рамках темы государственной работы № 0184-2019-0001.

веты на эти сложные вопросы будут получены по результатам прошедших и будущих исследований Костенковско-Борщевского палеолитического комплекса.

Изучение различных каменных индустрий костенковских стоянок послужило основой для разработки в российском палеолитоведении новых методов изучения каменных артефактов: экспериментально-трасологического и технологического.

Исторически сложилось, что для изучения каменных орудий существуют три основных метода: типологический, технологический и трасологический. Типология – основной инструмент любого археолога – подразумевает выявление сходства или различия в формах артефактов, определение типичных изделий, их классификацию и выделение на этой основе культур, культурных групп и, в итоге, цивилизаций, рассмотрение их в динамике развития, и построение на этой основе истории человечества. Для познания истории жизни человека современного вида этот метод дает 100 % результат, что прекрасно демонстрируют костенковские индустрии.

Для более ранних представителей рода *Homo* классическая типология каменных орудий труда отражает в большей мере представления современных исследователей о процессах формообразования изделий вообще, чем реальные процессы производства древнейшей материальной культуры. Так как невозможно найти два типологически одинаковых каменных изделия раннего и среднего палеолита, типологических различий между ними всегда будет больше чем сходства. Поэтому исследователи каменного века изначально стали искать и использовать другие способы определения и интерпретации древнейших орудий. Наиболее удачными оказались изыскания в сфере изучения того, как каменные орудия изготавливались и использовались. Многолетние исследования по проблемам осознания и применения древним человеком физических закономерностей раскалывания камня и использования продуктов этого процесса для работы по природным материалам оформились к середине XX в. в создание технологического и экспериментально-трасологического методов изучения каменных артефактов. Без понимания того, что каменные изделия

в своей морфологии по большей части несут информацию о применении на них физических закономерностей обработки и в меньшей степени демонстрируют применение каких-то традиционных культурных установок мастерами, невозможны современные анализ и интерпретация каменных артефактов. Объясняется этот феномен тем, что каменное сырье является полностью природным явлением и подчиняется физическим законам, действующим на нашей планете [Семенов, 1957; 1968; Технология..., 1983].

Понимание того, что морфология каменных изделий, а, следовательно, и форма, во многом определялась умением понимать и использовать технологические необходимости их производства и использования, а не представлениями древнего мастера о «дизайне» предметов, заставляет усомниться в возможности выделения типов в раннем и среднем палеолите. Автор придерживается понимания типа как формы изделия с серийно повторяемым конечным набором признаков. Эти условия соблюдаются только начиная с появления первых полностью искусственных изделий – металлических. Тем не менее, процесс серийного производства орудий – исторический, и начался в позднем палеолите, с появлением *Homo sapiens*. Именно в верхнем палеолите человек современного вида начал полностью овладевать процессом обработки камня, и только начиная с этого времени, появляется подлинная серийность некоторых изделий и возможность их типизировать при изучении. Для изучения орудий позднего палеолита возможно и необходимо применение всех трех методов исследования, которое дает наиболее полный результат.

Такое понимание способа изучения каменных изделий окончательно сложилось в стенах Ленинградского отделения Института археологии – ИИМК РАН в 80–90-х гг. XX в. [Гиря, 1991; 1993; 1994; 1997; 2017; Гиря, Нехорошев, 1993а; 1993б; Нехорошев, 1988; 1993, 1999; Доронищев, 1986; 1991; Кулаков, 1993; 1999]. Основой для создания новых взглядов послужили типологические разработки многих российских и зарубежных палеолитоведов: в первую очередь, Г. А. Бонч-Осмоловского, П. П. Ефименко, С. А. Семенова, Ф. Борда, В. П. Любина,

В. Е. Щелинского, И. И. Коробкова, А. Е. Матюхина, А. К. Филиппова, Г. Ф. Коробковой, Н. Д. Праслова, В. Н. Гладилина, А. А. Синицына [Васильев, 2008; Васильев и др., 2007]. Результатом проделанной работы стало создание технологической периодизации производства в каменном веке [Гиря, 1997; Гиря, Нехорошев, 1993а; 1993б], которая показала, что первым и главным рубежом развития обработки камня стал переход от некраевого к краевому скалыванию, который полностью совпал со временем появления *Homo sapiens*.

Морфолого-технологический метод изучения каменных артефактов заключается в определении, описании и интерпретации морфологии изготовления каменного изделия и, если возможно, его функции. Морфологически все разнообразие каменных изделий палеолита может быть сведено к двум элементам: острому лезвию – краю и острому выступу – острию [Семенов, 1968; Технология..., 1983]. Эта аксиома не требует особых доказательств, т.к. для любой ручной работы человеку во все времена необходимо было, в первую очередь, резать и прокалывать (надрезать, разделять и обрабатывать разнообразные материалы). Морфология каменного изделия – это форма предмета, которая определяется из анализа внешнего вида, метрических данных и, главное, в выяснении их взаимозависимости, обусловленной конкретной технологической необходимостью обрабатывать каменное сырье именно таким образом. Полученные в результате анализа коллекции морфологические виды изделий группируются в категории. Далее категории артефактов объединяются в индустрии. Если степень сохранности материала позволяет провести трасологический анализ функций артефактов, при необходимости верифицируемый экспериментами, то каменная индустрия объекта наполняется, дополнительно к морфолого-технологическому содержанию, данными о степени постдепозиционных изменений и, самое важное, данными о способах и методах трудовой деятельности конкретных первобытных людей [Щелинский, 1994]. В уникальных случаях к каменной индустрии могут добавляться костяная и деревянная индустрии, что чрезвычайно обогащает изучение первобытной истории.

Таким образом, индустрия становится основным инструментом дальнейшего изучения палеолита. Анализ индустрий объектов в более или менее одном хронологическом срезе дает возможность получать новые знания о расселении и адаптации первобытных коллективов в конкретных районах, различных регионах и по всей палеолитической Ойкумене.

Переход к уровню интерпретации полученных знаний подразумевает применение культурно-исторического метода анализа, что абсолютно правомерно для истории *Homo sapiens*. Но для предков современного человека в раннем и среднем палеолите такая закономерность не очевидна.

Человеческая культура понятие чрезвычайно многогранное, по вопросам ее изучения до сих пор идут «жаркие» споры гуманитариев [Классификация..., 2013]. Как представляется, главным наполнением этого понятия является гармоничный симбиоз материальной и духовной составляющих этого явления, предопределенного появлением и развитием вида *Homo sapiens*.

Археологическая культура – понятие более конкретное, опирающееся, в первую очередь, на изучение материальной составляющей во всем ее многообразии [Васильев и др., 2007; Классификация..., 2013]. Тем не менее, выделение подлинных археологических культур невозможно без привлечения, хотя бы некоторых духовных элементов, выражающихся в материальных объектах неутилитарного назначения, для каменного века – это атрибуты искусства («магической практики»): мелкая пластика, настенная живопись, скульптура, украшения и пр. Все эти предметы связаны только с человеком современного вида, т.к. до сих пор не найдено достоверно ни одного неутилитарного артефакта наших более ранних предков.

Поздний (верхний) палеолит – это абсолютно новое явление в истории жизни на Земле, определенное появлением *Homo sapiens*, все стороны жизнедеятельности которого качественно отличались от всего, что было раньше у представителей рода гоминид. В сфере обработки камня, безусловно опираясь на предшествующие достижения, революционным стал переход на краевое скалывание, позволивший перейти к се-

рийному производству сколов-заготовок – типичных пластин, далее – изобретение отжимного способа получения пластин [Семенов, 1968]. В орудийном наборе индустрий кардинальным стало изобретение составных изделий, давших прочную основу для развития индивидуальной охоты. Главным отличием первых людей стало создание культур со всем их набором конструкций и атрибутов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев С. А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. – СПб.: ИИМК РАН, 2008. – 179 с.

2. Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гирия Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 264 с.

3. Гирия Е. Ю. Проблемы технологического анализа продуктов расщепления камня // РА. – 1991. – № 3. – С. 115–129.

4. Гирия Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий в советском палеолитоведении // Петербургский археологический вестник. – СПб., 1993. – № 3. – С. 20–38.

5. Гирия Е. Ю. Технологические закономерности расщепления изотропных пород // Археологический альманах: Сб. статей. – Донецк, 1994. – № 3. – С. 13–34.

6. Гирия Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. – СПб.: Академ Принт, 1997. – 198 с.

7. Гирия Е. Ю. Доказательная интерпретация каменных индустрий: морфономия, морфология, контекст // Древний человек и камень: технология, форма, функция. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. – С. 34–45.

8. Гирия Е. Ю., Нехорошев П. Е. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // РА. – 1993а. – № 4. – С. 5–24.

9. Гирия Е. Ю., Нехорошев П. Е. Технологическая периодизация каменных индустрий // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы конференции. – СПб.: ИИМК РАН, 1993б. – С. 23–26.

10. Доронищев В. Б. Изучение техники расщепления нуклеусов как системы взаимосвязанных технологических процессов // Во-

просы археологии Адыгеи / отв. ред. П.У Аутлев. – Майкоп, 1986. – С. 79–92.

11. *Дороничев В. Б.* Анализ технологии расщепления камня в раннем палеолите: проблема метода // РА. – 1991. – № 3. – С. 130–142.

12. Классификация в археологии / отв. ред. Е. М. Колпаков. – СПб.: ИИМК РАН, 2013. – 251 с.

13. *Кулаков С. А.* Технология расщепления камня на Абадзехском нижнепалеолитическом местонахождении (Северный Кавказ) // РА. – 1993. – № 3. – С. 120–139.

14. *Кулаков С. А.* Технология расщепления камня на местонахождении Богос (Северо-Восточное Причерноморье) // *Stratum plus*. – 1999. – № 1. – С. 149–159.

15. *Нехорошев П. Е.* Техника расщепления камня мустьерской стоянки Ильская-1 // Вопросы археологии Адыгеи / отв. ред. П.У Аутлев. – Майкоп, 1988. – С. 51–70.

16. *Нехорошев П. Е.* К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня // РА. – 1993. – № 3. – С. 100–119.

17. *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб.: Европейский дом. – 1999. – 174 с.

18. *Семенов С. А.* Первобытная техника // МИА. – М.; Л.: Наука, 1957. – № 54. – 270 с.

19. *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 362 с.

20. Технология производства в эпоху палеолита / под ред. А. Н. Рогачева. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.

21. *Щелинский В. Е.* Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. – СПб.: ИИМК РАН, 1994. – 40 с.

А. А. Сеницын¹, А. А. Бессуднов¹, А. Р. Лада^{1,2}

¹*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург;*

²*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В КОСТЕНКОВСКОМ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ*

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-31-35

1. История проблемы.

Повышенное внимание к структуре раннего верхнего палеолита (EUP) определяется его связью с проблемой смены мустьерских традиций верхнепалеолитическими и распространением человека современного антропологического типа (AMH).

До последней четверти XX в. наиболее распространенным было бинарное представление EUP как сосуществование ориньяка пан-Европейского распространения и серии «переходных» культур (шательперрон, улуццо, селет, стрелецкая). В конце столетия, на основе новой хронологии и переоценки коллекций, к ним были добавлены линкомбьен-ранис-ежмановице (LRE) и богунице, а все их разнообразие упорядочено в рамках трех надкультурных «технокомплексов» [Kozłowski, 2004a;b; 2010; 2014]: (1) с двустороннеобработанными (листовидными) формами, (2) с обушковыми формами, и (3) связанными с леваллуа технологиями (Levallois-derived industries).

Последующие изменения связаны с и полностью определяются изменением представлений о хронологии в связи с внедрением новых методов очистки образцов и новых технологий. Оказалось, что (а) «переходные» культуры везде в Европе древнее ориньяка, с редким наложением верхних гра-

© Сеницын А. А., Бессуднов А. А., Лада А. Р., 2019

* Исследование выполнено при поддержке грантов РФФИ № 17-06-00319, 18-39-20009, РНФ № 18-78-00136, а также в рамках темы государственной работы № 0184-2019-0001.

ниц; (б) существуют рефугиумы с «пережиточным» мустье; и (в) для отдельных территорий есть основания выделять прото-ориньяк или как древнейшую стадию ориньяка, или как отдельную культурную традицию. Все эти изменения связаны с переоценкой хронологии палеолита Западной и Центральной Европы, Средиземноморья и Ближнего Востока. Палеолит Восточной Европы в этом процессе занимал второстепенное место из-за почти полного отсутствия материала древнее 35 тыс. лет. Исключение составляла костенковская группа памятников, где с середины XX в. выделялись стрелецкая и спицынская археологические культуры, начало существования которых определялось стратиграфическим положением под вулканическим пеплом, т.е., древнее 40 тыс. лет. Из других регионов Восточной Европы наиболее важные материалы были получены:

- на ее крайнем Северо-Востоке на основании исследования стоянок Заозерье 1 и Гарчи, свидетельствующих об их принадлежности раннему верхнему палеолиту, причем напрямую связанных с EUP костенковской модели;

- в Крыму на основании материалов слоя С Буран-Кай 3 с необычной комбинацией двустороннеобработанных листовидных форм и трапеций, ранее в EUP неизвестных.

II. Современное состояние

Раскопки последних двух десятилетий привели к изменению традиционных представлений о структуре древней хронологической группы под вулканическим пеплом, сложившейся в 70–80-е годы прошлого века. К двум наиболее ранним культурным традициям – стрелецкой и спицынской – добавились еще две, обе на Костенках 14: ориньяк, связанный с горизонтом в пепле (ГП) и IVb. А.А. Сеницыным было предложено их ранжирование по двум (хронологическим) подгруппам:

- собственно ранний верхний палеолит (EUP) в традиционном смысле, сочетающем ориньяк и «переходную» стрелецкую культуру;

- более древнюю хронологическую группу памятников, обозначенную как «пласт начального верхнего палеолита»

(IUP-stratum) сочетающую спицынскую культуру и культуру типа IVb Костенок 14.

Основанием этому было: (1) стратиграфическое положение культурного слоя IVb Костенок 14 под ориньякским слоем (ГП), причем при наличии двух культурных слоев и двух погребенных почв между ними; (2) залеганием II культурного слоя Костенок 17 на уровне, а IVb культурного слоя Костенок 14 под почвой с палеомагнитным экскурсом Лашамп-Каргополово (41 тыс. лет до н.э.); (3) их не-ориньякская и не-переходная атрибуция.

Эти представления сложились сразу после получения представительной коллекции археологического материала из культурного слоя IVb Маркиной горы и на протяжении почти 20-летнего периода [Синицын, 2000; Sinitsyn, 2014] оставались рабочей моделью с постоянным накоплением аргументации как в пользу ее приемлемости, так и с накоплением спорных и противоречивых моментов.

Противоречия связаны с:

- абсолютной хронологией, основанной на очень компактной серии близких по значению радиоуглеродных датировок;
- неоднозначностью археологических критериев определения культурной принадлежности (кремневого) инвентаря стоянок.

II.1. Хронология

При современном состоянии радиоуглеродного датирования любая новая серия дат способна существенно изменить сложившиеся представления. На Костенках 14 ее контроль возможен на основе стратиграфии, поскольку только тут под пеплом фиксируется наличие четырех культурных слоев в хорошо выраженной стратифицированной позиции с наличием стерильных прослоев. В этих условиях проблема последовательности и синхронности культурных слоев и выделяемых археологических культур в рамках древней хронологической группы остается такой же открытой, как и в до-радиоуглеродный период. Наиболее показательным в этом отношении является возвращение стрелецкой культуре статуса древнейшей в группе после получения новых датировок для V культурного слоя Костенок 1 [Haesaerts et al., 2018].

II.2. Культурная атрибуция

До середины XX века культурная принадлежность археологических коллекций определялась на основании специфических форм. В пришедшей ей на смену комплексно-статистической концепции значение придавалось всему набору орудий и их процентному соотношению. В настоящее время наблюдается явный возврат к культурной диагностике на основе специфических форм. При этом круг «диагностичных» показателей ограничивается очень узким набором типов и/или технических приемов: все суждения о стрелецкой культуре и стрелецкой атрибуции ограничиваются треугольными наконечниками с вогнутым основанием; протоориньяк определяется только исключительно на основе наличия пластинок и микропластинок прямого профиля. Новую интригу в проблему культурной дифференциации древнейших памятников Костенок вносят материалы западного участка Костенок 14, где из нижнего культурного слоя (IVw), залегающего в сходной стратиграфической позиции с нижним слоем на восточном склоне мыса, происходит коллекция кремневого инвентаря, по ряду технико-типологических показателей сопоставимая со спицынской культурой в том виде, в котором она представлена инвентарем II культурного слоя Костенок 17. На настоящий момент с одинаковой степенью вероятности различия коллекций кремневого инвентаря восточного и западного участков Костенок 14 могут быть интерпретированы и как культурные [Dinnis et al., 2019], и как функциональные.

Проблема культурно-хронологической дифференциации древнейшего (до-ориньякского) палеолита Костенок остается в стадии формирования. Постоянно увеличивающаяся совокупность радиоуглеродных и термолюминесцентных датировок несомненно способствует «расширению» проблемы за счет возникновения новых вопросов, ранее не возникавших, но явно не способствует ее «углублению». Причины этого, скорее всего, связаны как с определенным рода кризисом концепции археологических культур, по существу оставшейся на уровне

третьей четверти XX века, так и с отсутствием оценочных критериев вариабельности кремневых индустрий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синицын А. А. Нижние культурные слоя Костенок 14 (Маркина гора) в контексте проблематики раннего верхнего палеолита // *Stratum plus*, 1. – Кишинев, 2000. – С. 125-146.

2. Dinnis R., Bessudnov A., Reynolds N., Devière T., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T. 2019. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // *Journal of Human Evolution*, 127. – 2019. – P. 21–40.

3. Kozłowski J. K. Early Upper Paleolithic Backed Blade Industries in Central and Eastern Europe // *The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe* /eds. P.J Brantingham, S.L. Kuhn, K. W. Kerry. – University of California Press. Berkeley, Los Angeles, London, 2004a. – P. 14–29.

4. Kozłowski J. K. Early Upper Paleolithic levallois-derived industries in the Balkans and in the Middle Danube basin. // *Anthropologie*, XLII/3. – Brno, 2004b. – P. 263–280.

5. Kozłowski J. K. The Middle to Upper Palaeolithic Transition North of the Continental Divide: Between England and the Russian Plain // *The Upper Palaeolithic Revolution in global perspectives. Papers in honor of Sir Paul Mellars* / eds. K. V. Boyle, C. Gamble, O. Bar-Yosef. – Cambridge, 2010. – P. 123-135.

6. Kozłowski J. K. Grèce – nouvelles données et nouvelles controverses // *Le Paléolithique Supérieur d’Eurasie. Bilan 2014*. – ERAUL 42. – Liège, 2014. – P. 51–62.

7. Sinitsyn A. A. L’Europe orientale // *Néandertal/Cro-Magnon. La rencontre* / dir. M.Otte. – Arles: Errance, 2014. – P. 189-220.

А. Е. Дудин

*Государственный археологический музей-заповедник «Костенки»,
Воронеж*

**КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ И ГОРИЗОНТЫ
В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ СТОЯНКИ КОСТЕНКИ 11
(АНОСОВКА 2): СТРАТИГРАФИЯ, ХАРАКТЕР
РАСПРОСТРАНЕНИЯ, КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК**

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-36-39

К настоящему времени не до конца ясным остается ответ на вопрос о количестве выявленных культурных слоев и культурных горизонтов в пределах площади стоянки Костенки 11. И это несмотря на тот факт, что археологическое исследование памятника продолжается с перерывами в течение достаточно длительного периода времени – с начала 1950-х гг. прошлого века. Открытие в центральной части площади стоянки остатков костно-земляного комплекса Ia культурного слоя определило приоритеты исследования на многие годы. Последующая его музеефикация и строительство здания музея объективно ограничили возможности по планомерному выявлению и изучению культурных горизонтов средне-нижней части стратиграфической колонки на значительной площади памятника. В дополнение к этому, часть площади стоянки в настоящее время занята усадьбами и асфальтированной дорогой.

Сложившееся к концу 1970-х годов прошлого века представление о структуре стоянки в контексте определенных культурных горизонтов базируется на константе наличия как минимум семи слоев [Рогачев, Попов, 1982. С. 116–132]. Из них шесть в той или иной степени выявлены в центральном секторе стоянки, вдоль гребня мыса ее местоположения. К числу основных проблемных моментов, расшатывающих эту константу относятся: вопрос о наличии культурного горизонта в «нижнем» гумусе, ограниченная площадь исследования нижних культурных горизонтов изолированными в плане шурфа-

© Дудин А. Е., 2019

ми; значительная рассеянность по мощности отложений горизонта находок третьего культурного слоя; неясность в вопросе о том, как соотносятся два верхних культурных слоя стоянки.

Главная цель данной работы – представить результаты анализа текущей ситуации по итогам исследований западного участка стоянки, расположенного вверх по склону, за западным фасадом здания музея. Основанием для такого выбора явился тот факт, что в течение последних 15 лет на его площади проводились полевые археологические работы, в том числе с закладкой шурфа и раскопа с задачей прояснения стратиграфических позиций культурных слоев и горизонтов находок до нижней гумусированной толщи включительно. В этом отношении этот сектор стоянки дает возможность рассмотреть совокупность данных по шурфам и раскопам прошлых лет и современного этапа исследований. Основными источниками информации по археологическим исследованиям последних лет стали полевые отчеты о раскопках стоянки в 2004, 2014–2017 гг.

Основой базы данных, использовавшейся в настоящем исследовании относительно определения общего количества и условий залегания культурных горизонтов, стали результаты полевых работ 2014 года и, конкретно, изучения материалов локального раскопа площадью 32 кв.м, заложенного с задачей вскрыть все пласты культурных отложений, включая *возможные* в нижней гумусированной толще. На стадии сравнительного анализа была предпринята попытка стратиграфической корреляции горизонтов находок средне-нижней части рассмотренных в работе профилей, включая (по верхним позициям) культурный горизонт, ассоциируемый с третьим культурным слоем. Также были определены реальные контексты несоответствий в отношении разделения верхнего культурного слоя стоянки на два отдельных – Ia (первого «а») и Ib (первого «б»), как минимум, применительно к западной части памятника.

Предварительное заключение по промежуточным итогам исследования не выглядело оптимистично. Стратиграфическая и археологическая составляющие объективно не соотносились с классической схемой «шести главных» («северной пункт» по факту стратиграфического отсутствия исключаем)

культурных слоев, нежели ее подтверждали. На значительной части стратиграфических уровней позиционирования культурных горизонтов и культурных слоев наблюдались контексты, позволяющие создавать разные варианты интерпретаций их единства или разделения.

Итоговая конфигурация структуры памятника, в его западной, верхней по склону мыса местоположения части, представляется следующим образом:

- горизонт находок в нижнем гумусе (раскоп 2014 года);
- V (пятый) культурный слой. В реальности – горизонт находок (2014 год). Стратиграфически связан с гумусированным горизонтом, определяемым автором, как «верхняя гумусированная толща».

- IV (четвертый) культурный слой. Проявляется как горизонт находок в контактной зоне не слоистых отложений и «верхнего» гумуса (2004, 2014 гг.). Четко коррелируется с тонкой прослойкой с линзами оглеения;

- III (третий) культурный слой. Горизонт находок. Включен в средне-нижнюю часть не слоистых покровных суглинков; мощность – до 80–120 см, в двух литологических горизонтах. По верхним позициям залегания – типичные формы орудий для этого слоя. По низам стратиграфически контактирует на ряде участков раскопа 2014 г. с верхним уровнем находок V (пятого) культурного слоя. Актуальным остается вопрос о его единстве.

- II (второй) культурный слой. Представлен линзовидными скоплениями с насыщенным углистым заполнением и окраской охрой. Залегает в среднем на 50–80 см ниже третьего костно-земляного комплекса Ia культурного слоя;

- Ia (первый «а») культурный слой. Остатки костно-земляного комплекса *in situ*;

- Ib (первый «б») культурный слой. Признаки наличия не обнаружены.

В дополнение к итоговой ситуации. В 2017 году, в северо-восточном секторе раскопа 2014–2018 гг., была произведена зачистка и углубление локального стратиграфического шурфа 2015 года в периферийной зоне третьего костно-земляного

комплекса Ia культурного слоя. Стратиграфия и представленность культурных горизонтов на этой площади – резко отличается от вышеописанных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникович М. В.* Отчет о раскопках в с. Костенки Хохольского района Воронежской области многослойных стоянок Костенки 1, Костенки 11 и Костенки 12, проведенных в 2004 г. – Воронеж: архив ГБУК ВО «Государственный археологический музей-заповедник «Костенки», 2005. – 68 с.

2. *Рогачев А. Н., Попов В. В.* Костенки 11 (Аносовка 2) // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги исследований / под ред. Н. Д. Праслова, А. Н. Рогачева. – Л.: Наука, 1982. – С. 116–132.

3. *Федюнин И. В.* Отчет о раскопках многослойной палеолитической стоянки Костенки 11 (Аносовка 2) в Хохольском районе Воронежской области в 2014 г. – Воронеж: ООО «Терра», 2015. – 137 с.

К. Н. Степанова, А. А. Малютина, А. А. Бессуднов
*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

ПОДВЕСКИ ИЗ ОРГАНИЧЕСКИХ И МИНЕРАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В КОЛЛЕКЦИИ II СЛОЯ КОСТЕНОК 17*

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-40-48

Коллекция подвесок II слоя Костенок 17 из клыков и резцов песка (30 экз.), белемнитов (4 экз.), ископаемых раковин и червеходов (по 1 экз.), кораллов (5 экз.) и минералов (7 экз. с просверленными отверстиями и 2 фрагмента без отверстий) получила известность еще с момента раскопок и публикации материалов П. И. Борисковским [Борисковский, 1963]. Вплоть до настоящего времени эти предметы привлекают к себе внимание в силу их древности (возраст слоя определен как 41–40 кал. тыс. л. н., см.: [Dinnis et al., 2019]) и оригинальности [Синицын, 2016; White, 1993], что в первую очередь касается подвесок из окаменелостей, в особенности – из белемнитов, которые не имеют близких аналогов среди украшений верхнего палеолита. Нерешенность некоторых вопросов о технике изготовления, способах крепления и дальнейшего использования украшений II слоя Костенок 17 позволяет нам вновь вернуться к этой коллекции, тем более что в 2017–2018 гг. получены некоторые новые находки.

В нашем исследовании мы предполагаем обратить внимание на следующие аспекты: выбор сырья или поделочного материала для создания украшений (1); технические особенности при их производстве (2); способ использования (3); археологический контекст (4).

На текущем – начальном – этапе исследования мы можем обозначить следующее.

1.1. Все использованное для создания украшений минеральное сырье – местного происхождения: белемниты (ро-

© Степанова К. Н., Малютина А. А., Бессуднов А. А., 2019

* Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ 18-39-20009, а также в рамках темы государственной работы № 0184-2019-0001

стры) происходят из меловых, червеходы из палеозойских, полипы кораллов и створка раковины – из девонских отложений [Борисковский, 1963. С. 103–104], сланцевые и песчаниковые галечки – из морены, а окремненный известняк из коренных выходов в бортах балок. П. И. Борисковский указывает, что в слое найдены белемниты (около 20), раковины и кораллы без следов сверления, которые были принесены на стоянку в качестве заготовок. В 2018 г. также был найден кусочек окаменелых червеходов без искусственных отверстий. Кораллы и в особенности раковины часто встречаются в наборах украшений ранней поры верхнего палеолита [см. White, 1993; 2010; Taborin, 1998; Vanhaeren, d’Errico, 2006]. Находки белемнитов в слоях верхнего палеолита известны на разновременных памятниках даже в пределах одного только Костенковско-Борщевского района в Костенках 2, Костенках 19 [Борисковский 1963], Костенках 5, III слой [Палеолит..., 1982. С. 88], Борщево 5, III слой – со следами пришлифовки (?), IVa слой – без следов манипуляций, но из этого слоя происходят и другие окаменелости, залегавшие компактно у очага [С. Н. Лисицын, личное сообщение] и др. Белемниты со следами резания есть в коллекциях Сунгиря [Zhitenev, 2017. С. 73–74]. При этом нам известен лишь один предмет, опубликованный именно как подвеска из белемнита – из ориньякской стоянки Бланшар (abri Blanchard, см. [Vanhaeren, d’Errico, 2006]). В самом факте использовании белемнитов, да и других окаменелостей, сложно усмотреть культурно-хронологическую специфику. Эти природные диковинки привлекали людей в палеолите, привлекают и сегодня. Вероятно, более пристальное внимание к способам обработки способно дать нам больше информации.

1.2. Подвески из органических материалов представлены исключительно зубами песка, подделки из кости или бивня отсутствуют, хотя такие украшения обычны в памятниках ориньякского круга, на что обратил внимание, в частности, Р. Уайт [White, 1993].

2.1. Технология изготовления отверстий для подвесок из зубов различается. В большинстве случаев (23 экз.) корень зуба предварительно уплощался с одной (1 экз.) или двух (22 экз.)

сторон при помощи одного-двух скользящих движений каменным инструментом. В двух случаях на корне зубов не обнаружено следов предварительной подправки. Часть отверстий в корнях зубов продавлена — 8 экз. Продавливание производилось с двух сторон. У двух подвесок хорошо видно, что продавливание отверстия сочетается со следами от прорезания. В семи случаях отверстия сохранились частично, но, судя по всему, они также были продавлены. С помощью сверления отверстия изготовлены на 8 предметах. Возможно, к ним же можно отнести еще четыре подвески. У одной подвески отверстие сохранилось частично, а у остальных трех — не сохранился внешний верхний край отверстий, что затрудняет точную реконструкцию технологического процесса. Сверление, как и продавливание, происходило с двух сторон. Коронка зубов дополнительной обработке не подвергалась. Помимо этого, в коллекции есть два целых клыка, которые следов изготовления и использования не имеют, и один фрагмент зуба (клыка?), разломанный пополам. Технологических следов, которые бы свидетельствовали о преднамеренном пилении зуба, не сохранились.

2.2. Отверстия в подвесках из камня и окаменелостей выполнены преимущественно двусторонним и в ряде случаев односторонним сверлением (полип коралла и половинка полипа?). С. А. Семеновым [Семенов, 1957. С. 98–99] определено, что сверление выполнялось ручным (не лучковым) сверлом, приводимым в движение трением ладоней. Еще предстоит выяснить, какие именно кремневые изделия применялись для сверления, однако контекст кремневой индустрии подсказывает, что искать нужно среди многочисленных в этом слое микропластинок, ширина которых варьирует от 0,2 до 0,8 см.

2.3. В отношении техники обработки и придания формы и фактуры поверхности некоторых подвесок существуют как нерешенные вопросы, так и разночтения. В первую очередь, как говорилось выше, это касается украшений из белемнитов. По П. И. Борисковскому [Борисковский, 1963] форма и фактура поверхности подвесок из белемнитов — полностью природная, человек нашел их в таком фрагментированном и

сильно окатанном виде, просверлил и использовал как украшения. Доводами в пользу этой точки зрения могут быть два обстоятельства: белемниты в обломках и разной степени прозрачности встречаются в окрестностях Костенок, а на подвесках нет явных технологических следов резания, шлифования и других манипуляций с поверхностью. С. А. Семенов [Семенов, 1957] этот аспект не комментирует. Р. Уайт [White, 1993], напротив, видит производственную последовательность от поперечного разрезания и продольного разделения целых белемнитов, перфорации и до полировки концов и продольных краев. Ребристость / гладкость поверхностей ростров объясняется видовыми различиями. А. А. Синицын [Синицын, 2016] в такой разнице поверхностей видит искусственное придание некоторым белемнитам более интересной фактуры путем пропиливания и полировки. Особенно выразительная прозрачность и блеск двух подвесок иногда объясняются химическим воздействием на них [Sinitsyn, 2012, с отсылкой к устному сообщению Н. Д. Праслова и Е. Ю. Гири], однако экспериментально это предположение проверено не было. От себя мы можем добавить, что следов резания на белемнитовых подвесках не отмечается (ср. с выразительными следами на белемнитах из Сунгиря: [Zhitenev, 2017. Fig. 2]), так же, как и следов пропиливания ребристых поверхностей – это, действительно, природная особенность этих фрагментов. Все отверстия на белемнитах выполнены двусторонним сверлением и имеют биконическую форму. Технологические следы внутри сверлин остались на двух матовых подвесках, а вот полупрозрачные и сильно блестящие белемниты имеют характерный маслянистый блеск абсолютно по всей поверхности, включая внутреннюю часть отверстия. То есть этот блеск, вероятно, следует признать рукотворным и искать способы его появления.

2.4. Отверстия на подвесках из небольших сланцевых галечек созданы двусторонним сверлением, внутри биконических отверстий хорошо различимы следы от их производства в виде ровных концентрических царапин, диаметр отверстий варьирует в пределах 1,5–4 мм на двух подвесках

и от 4 до 7 мм на еще одной. Благодаря выразительным следам именно на этих подвесках С. А. Семенов продемонстрировал применение ручного двустороннего сверления [Семенов, 1957] в верхнем палеолите. Иная обработка на сланцевых подвесках не отмечается.

2.5. Две подвески из мягкого песчаника перфорированы так деликатно, что возникают сомнения в форме отверстий – биконические они или цилиндрические, а, следовательно, выполнены в другой технике? На поверхности одной из галек отмечаются бледные красноватые пятна, что, возможно, говорит о том, что при их производстве применялась охра.

2.6. На целой подвеске из известняка отмечаются разнообразные технологические следы. От сверления – ровные концентрические круги, от шлифовки – линейные следы на одной поверхности и на концах, которым придана многогранная форма, от резания – следы подрезания на узком конце, на котором оформлена сверлина биконической формы диаметром от 2 до 5 мм. На фрагментах аналогичных подвесок без отверстий следы на поверхности не различимы из-за кальцитового натека. Хотя окремненный известняк не отличается эстетической привлекательностью (по крайней мере, он не блестит, имеет тусклый темно-желтый цвет без каких-либо ярких включений, на ощупь шероховатый, не полируется), но зато он легок в обработке и из него можно было создавать довольно крупные подвески правильной формы.

2.7. Из пяти кораллов три просверлены с двух сторон, два – односторонним сверлением с внешней стороны. Кораллы выбирались чашевидной формы, некоторые сверлились в таком виде, но некоторые были разделены на половинки и одна из половинок просверлена. На внутренней стороне чашечек трех кораллов различимы мелкие крупинки красной краски.

2.8. На единственной раковине отверстие смещено к краю, выполнено двусторонним сверлением, с внутренней стороны в углублениях невооруженным глазом различимы крупинки охры, что позволяет ставить вопрос о ее применении в процессе производства или использования этого украшения.

3. Вопрос о способах крепления / подвешивания и дальнейшего использования украшений из органических и минеральных материалов может решаться трасологическим методом. На краю отверстия могут оставаться затертости от шнурков, на которые их подвешивали [см. Семенов 1957. С. 98] или от волокон, которыми их пришивали (например, для корзинкообразных нашивок ориньяка Франции реконструируется пришивание двумя петлями [White, 1993. С. 287]. Также, если украшения использовались как нашивки на меховые или кожаные вещи, поверхность контакта с мягким органическим материалом должна покрыться характерным блеском и выглядеть заглаженной от носки.

3.1. Такая заглаженность различима на подвесках из зубов. В тех случаях, когда мы имеем удовлетворительную сохранность внешней поверхности украшений, хорошо видно, как технологические следы скобления или сверления сnivelированы в результате износа. Края отверстий и примыкающая к ним поверхность отличаются мягким, сглаженным рельефом, который сформировался от контакта со шнурком, одеждой. В трех случаях коронка изделий имеет сколы, образовавшиеся в момент использования изделий. Края сколов, как и вся остальная поверхность, интенсивно сглажена. Все эти макропризнаки износа могут говорить о том, что изделия в течение достаточно длительного времени находились в плотном контакте с мягкой одеждой, были плотно пришиты к ней.

3.2. Белемниты, как уже говорилось выше, имеют ровный блеск по всей поверхности, на двух из них (полупрозрачных) яркий маслянистый блеск равномерно покрывает не только всю внешнюю поверхность, но и внутреннюю часть отверстия. Происхождение этого блеска пока не установлено, запланировано экспериментально проверить несколько гипотез: износ от контакта с кожей человека, с меховыми / кожными изделиями, преднамеренная механическая обработка (полировка), химическое воздействие кислотой или щелочью, физическое воздействие (нагрев?).

3.3. Наиболее выразительные следы «неутилитарного износа» среди подвесок из минеральных материалов можно видеть

на подвесках из сланца. Самыми блестящими и окатанными выглядят края подвесок и те участки поверхностей, которые чуть выступают над остальными. Внутренняя поверхность сверлины такого блеска не имеет, как нет и какой-то особенно выразительной заглаженности у какого-то края ее устья. Такой характер распространения следов ношения мог быть связан с пришиванием к кожаным или меховым изделиям. Отверстия ориентированы на галечках по-разному: в одном случае не по оси симметрии, со смещением к краю, в другом – по продольной оси симметрии, еще на одной – по поперечной оси симметрии. Две из трех сланцевых подвесок сломаны у отверстия в древности, следов переоформления нет, то есть продолжать носить их не 3.4. На песчаниковых гальках следы износа не различимы.

3.5. На цилиндрической известняковой подвеске есть участки затертости и блеска, но сложно судить, появились они в процессе ношения в древности или позднее (в слое или при современном хранении).

3.6. Кораллы и раковина интуитивно производят впечатление нашпиков-бусинок (из-за их формы и из-за того, что отверстия сделаны со смещением к краю), хотя способ фиксации по следам затертости и блеску не определяется (покрыты клеем, из-за чего вся поверхность равномерно блестит). Поверхность двух кораллов со сломанными сверлинами матовая и, похоже, была обожжена.

4. Вместо заключения. Спицынская культура является в определенном смысле самобытной, и мы не можем привести прямые аналогии для сопоставления с рассматриваемыми украшениями, но исходя из новых C14 дат и включения индустрии в круг протоориньякских [Dinnis et al., 2019] или же в круг индустрий начальной поры верхнего палеолита [Sinitsyn, 2014; Синицын, 2016], намечается некоторый пласт синхронных индустрий, внутри которого можно искать соответствия в технике обработки и способах использования.

А. А. Синицын отмечает, что обитателями стоянки использовалась «природная эстетика» ископаемых моллюсков и галек [Синицын, 2016. С. 322]. И если в случае с подвесками из

сланца, песчаника, раковин и кораллов «творческая мысль» человека проявляется только в отборе привлекательных природных форм и в создании отверстий для дальнейшего использования, то в случае с белемнитами и с подвесками из известняка вопрос степени и приемов обработки не получил однозначного решения. С одной стороны, среди украшений пласта индустрий начальной поры верхнего палеолита нет зооморфных, антропоморфных, орнитоморфных или фигурных изделий. С другой стороны, это обстоятельство не должно априори создавать представления о простоте или «архаичности» приемов обработки этих древнейших украшений. В частности, коллекция II слоя Костенок 17 демонстрирует нам, что для создания украшений могли быть использованы резание и шлифовка (подвеска из известняка), разные приемы перфорации (особенно применительно к клыкам песка), а кроме того – еще предстоит выяснить, не использовались ли при изготовлении белемнитовых подвесок специфические приемы химической / физической обработки для придания им блеска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона: Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках // МИА. – № 121. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 232 с.
2. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / под ред. Н. Д. Праслова, А. Н. Рогачева. – Л.: Наука, 1982. – 286 с.
3. Семенов С. А. Первобытная техника: (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // МИА. – № 54. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 238 с.
4. Синицын А. А. Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / отв. ред. Г. А. Хлопачев. – СПб.: Экстрапринт, 2016. – С. 320–337.
5. Dinnis R., Bessudnov A., Reynolds N., Deviese T., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T. New Data on the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // Journal of Human Evolution. – Vol. 127. – 2019. – P. 21–40.

6. *Sinitsyn A.* L'Europe orientale (Chapitre 8) // Néandertal / Cro Magnon. La Rencontre / Ed. M. Otte. – Arles: Errance, 2014. – P. 189–220.

7. *Sinitsyn A. A.* Figurative and decorative art of Kostenki: Chronological and cultural differentiation // L'art pléistocène dans le monde. Actes du Congrès IFRAO (Tarascon-sur-Ariège, septembre 2010) / ed. Clottes J. N° spécial de Préhistoire, Art et Sociétés. Bulletin de la Société Préhistorique Ariège-Pyrénées. – Vol. LXV-LXVI. – 2010–2011. – P. 1339–1359.

8. *Taborin Y.* La parure en coquillage au Paléolithique // Suppléments Gallia Préhistoire. – Vol. XXIX. – 1998. – 538 p.

9. *Vanhaeren M., d'Errico F.* Aurignacian Ethnolinguistic Geography of Europe Revealed by Personal Ornaments // Journal of Archaeological Science. – Vol. 33. – 2006. – P. 1–24.

10. *White R.* Technological and social dimensions of “Aurignacian Age” body ornaments across Europe // Beyond Art: Pleistocene Image and Symbol / Eds. H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White, – Boca Raton: FL, 1993. – P. 277–299.

11. *White R.* Les parures d'Aurignacien ancien et archaïque. Perspectives technologiques et régionales des fouilles récentes // De Néandertal à l'homme moderne. L'Aquitaine préhistorique, vingt ans de découvertes (1990–2010) / ed. V. Mistrot. – Bordeaux: Confluences, 2010. – P. 93–103.

12. *Zhitinev V.* Personal ornaments and decorated objects from the Early Upper Paleolithic site of Sungir // Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège. – Vol. 147. – 2017. – P. 73–84.

Д.С. Толстых¹, А.М. Родионов²

¹*Государственный археологический музей-заповедник «Костенки»,
Воронежский государственный университет, Воронеж;*

²*Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник
«Дивногорье», Воронеж*

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДМЕТЫ КОСТЯНОЙ ИНДУСТРИИ СО СТОЯНКИ КОСТЕНКИ 12

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-49-54

Многослойная стоянка Костенки 12 (Волковская) была открыта в 1950 году А. Н. Рогачевым [Палеолит..., 1982. С. 132], комплексное изучение и уточнение количества культурных слоев проводилось силами Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством М. В. Аниковича [Аникович, 2005. С. 4].

Нами были рассмотрены остеологические коллекции из раскопок 2001-2003 годов. Фаунистические определения осуществлялись И. Е. Кузьминой (ЗИН РАН, Санкт-Петербург).

В целом, сохранность костей оставляет желать лучшего: многие из них расслаиваются и крошатся, а также имеют следы камеральной обработки. Некоторые предметы были покрыты известковой коркой, которая была удалена в результате дополнительной очистки. Большим преимуществом коллекции является отсутствие на поверхности артефактов остатков консервационных растворов, что положительно повлияло на проведение трасологического анализа.

Во всех культурных слоях Костенок 12 фиксируется преобладание фрагментов трубчатых костей: преднамеренный продольный скол диафиза или случайный продольный скол, полученный в результате дробления кости с целью получения костного мозга. Рассмотрим коллекцию несколько подробнее.

III культурный слой

Фаунистический состав III-го слоя по раскопкам 2001 г. следующий: волк – 1 особь / 1 кость; мамонт – 1 особь / 1 фрагмент; лошадь – 1 особь / 11 костей; северный олень – 1 особь /

2 кости. Большое количество неопределимых обломков трубчатых и плоских костей плохой сохранности (52 экземпляра) [Аникович, 2002. С. 13]. В коллекции представлены обожженные фрагменты костей лошади (2 экземпляра).

Поверхность костей неровная, покрыта бороздками от корней растений. Нельзя не отметить наличие легкой окатанности от культурного слоя, которая выражается в скругленных краях сколов и заглаженности поверхности.

Наиболее часто обитатели стоянки применяли технику раскалывания. Проиллюстрируем данный технологический прием на имеющемся в коллекции диафизе лошади (Рис. 1.1).

Благодаря данному фрагменту мы можем восстановить весь процесс расщепления. После нанесения удара выпал осколок подтреугольной формы, после чего кость как бы сложилась пополам в эпифизарной части, обнажив костный мозг. Данный прием был использован и для фрагментирова-

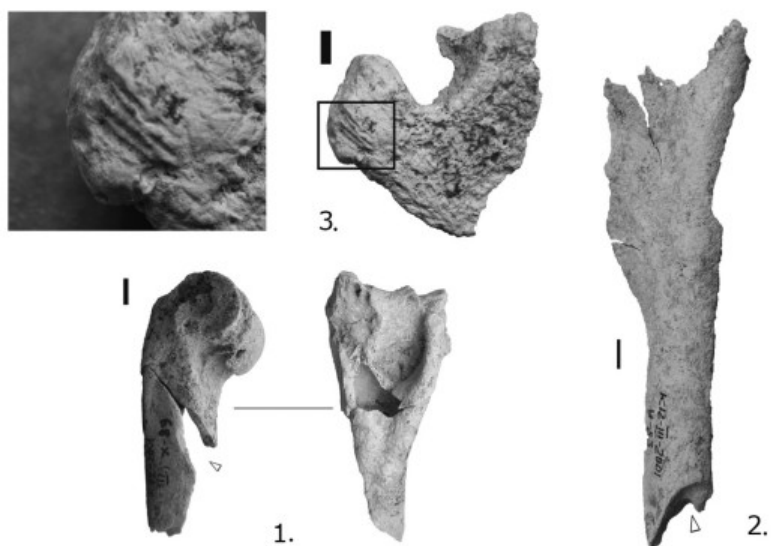

Рис. 1. Кости лошади, III культурный слой: 1, 2 – с фасетками от сколов (направление удара показано треугольником); 3 – погрыз на эпифизе

ния лопатки лошади: на прилегающем к суставной впадине участке осталась фасетка от скола (Рис. 1.2)

На одном из артефактов присутствуют следы, которые по морфологии относятся, скорее всего, к погрызам (Рис. 1.1).

IV культурный слой

Фаунистическая коллекция по раскопкам 2001 г. представлена следующими видами животных: заяц – 1 особь / 1 кость; лошадь – 2 особи / 4 кости; лось – 1 особь / 2 фрагмента рога; бизон – 1 особь / 3 кости. Неопределимые фрагменты – 27 экземпляров [Аникович, 2002. С. 14].

В коллекции также представлены свидетельства раскалывания кости (Рис. 3.4; 3.5). Наиболее интересна находка, свидетельствующая об изготовлении каменных орудий труда. Речь идет об отбойнике из рога лося (Рис. 2.1). На части розетки, сохранившейся фрагментарно, хорошо различимы деформации естественной поверхности. Вся сохранившаяся площадь

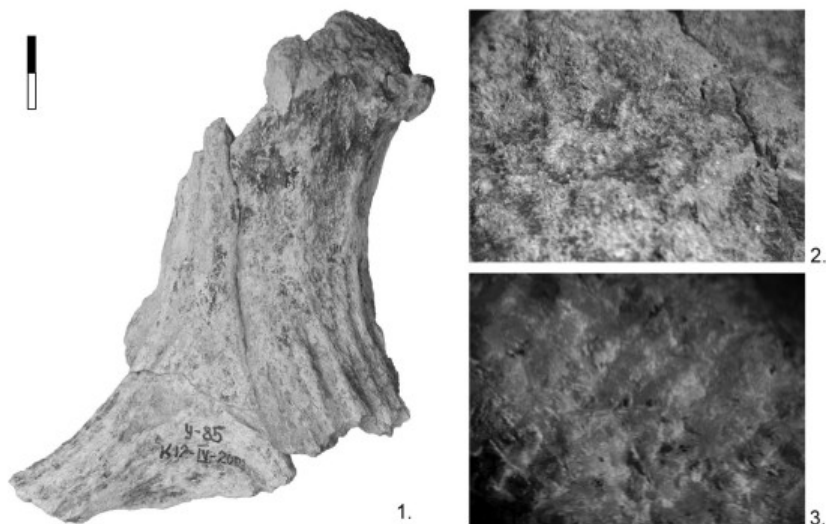

Рис. 2. 1 – отбойник из рога лося, IV культурный слой; 2 – рабочая поверхность при увеличении; 3 – поверхность экспериментального образца

(4,2 × 2,2 см) прилобной части рога покрыта выбоинами. При 60-ти кратном увеличении под стереомикроскопом «Микромед» с косым освещением четко видны систематические и тесно сгруппированные выбоины, имеющие внутри короткие микропорезы и микроцарапины, круговые и конусообразные углубления (Рис. 2.2). При сравнении полученных изображений с поверхностью экспериментального рогового отбойника (Рис. 2.3) мы можем заключить, что данные изделия использовались аналогично, то есть для обработки камня.

V культурный слой

Остеологическая коллекция V культурного слоя из раскопок 2003 г. включает: волк – 1 обломок / 1 особь; мамонт – 3 обломка / 1 особь; шерстистый носорог (?) – 13 обломков / 1 особь; благородный олень – 61 обломок / 1 особь [Аникович, 2004. Прил. 2].

Наиболее часто встречаются фрагменты крупных (10-20 см) и средних (5-7 см) осколков трубчатых костей, поверхность которых сильно расслаивается.

Основным приемом также является раскалывание кости. В коллекции представлена целая серия предметов. Например, фрагмент трубчатой кости северного оленя с фасеткой от слома (Рис. 3.2) и вмятиной от удара (Рис. 3.3.1; 3.2.2). Другой осколок (Рис. 3.3) имеет скругленный край (Рис. 3.3.1), а также параллельные микроследы от обработки этого же края кремнем (Рис. 3.3.2).

Особый интерес представляет изделие из продольно расщепленной трубчатой кости. (Рис. 3.1) Длина изделия – 25,5 см, ширина диафиза – 2,9 см, ширина в дистальной части – 3,7 см, в проксимальной – 3,3 см. Эпифизы кости не приросли и утрачены в древности. Кость имеет более светлый цвет в отличие от остального остеологического материала, вся ее поверхность имеет легкий блеск, диафиз, ближе к проксимальной части, покрыт канавками от кровеносных сосудов или корней растений, которые, как правило, омарганцованы.

Кость была продольно расщеплена с помощью двух па-

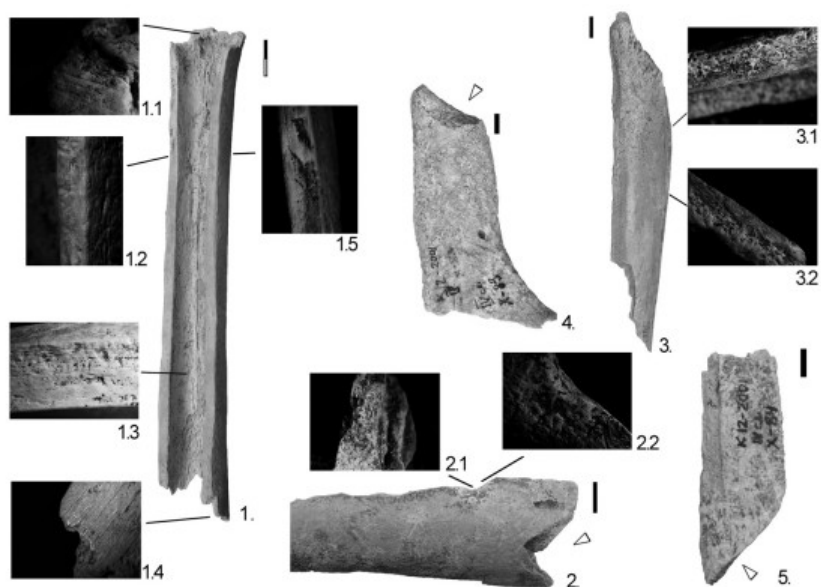

Рис. 3. 1 – изделие из трубчатой кости, V культурный слой; 2, 3 – осколки трубчатых костей со следами обработки, V культурный слой; 4, 5 – осколки трубчатых костей с фасетками от сколов, IV культурный слой (треугольниками обозначено направление удара)

зов, находящихся друг напротив друга в 5-6 см от дистального эпифиза (Рис. 3.1.2; 3.1.5). Края изделия сильно скруглены, а затем заглажены, возможно, в результате использования. Внутренняя часть имеет следы обработки кремневым орудием (Рис. 3.1.3), возможно, они были оставлены во время изъятия костного мозга и губчатой массы.

Следы от обработки каменным лезвием также сохранились по эпифизарному шву на дистальном конце кости (Рис. 3.1.1). Проксимальный конец изделия утрачен в древности. Он имеет следы заполировки (Рис. 3.1.4) – подобный блеск характерен для следов от работы по мягкому материалу.

Функциональное назначение данного изделия остается неизвестным. Мы лишь можем предположить, что оно использовалось в качестве рукоятки по которой проходил кожаный

ремешок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникович М. В.* Отчет о раскопках в с. Костенки Хохольского района Воронежской области многослойных стоянок Костенки 11 и Костенки 12, проведенных в 2003 г. Костенковско-Борщевской археологической экспедицией ИИМК РАН // Архив государственного археологического музея-заповедника «Костенки», 2004.

2. *Аникович М. В.* Отчет о раскопках в с. Костенки Хохольского района Воронежской области многослойной стоянки Костенки 12, проведенных в 2004 г. Костенковско-Борщевской археологической экспедицией ИИМК РАН // Архив государственного археологического музея-заповедника «Костенки», 2005.

3. *Аникович М. В.* Раскопки на Костенках 12, проводившиеся в 2001 г. Костенковско-Борщевской археологической экспедицией ИИМК РАН // Архив государственного археологического музея-заповедника «Костенки», 2002.

4. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги исследований / под ред. Н. Д. Праслова, А. Н. Рогачева. – Л.: Наука, 1982.

С. Н. Лисицын

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

ГРАВЕТТ И ЭПИГРАВЕТТ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕТОПИСИ КОСТЕНОК НА ТЕКУЩЕМ ЭТАПЕ ИССЛЕДОВАНИЙ*

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-55-65

Памятники, составляющие граветтский технокомплекс, различны в плане вариабельности материальной культуры. Их объединяет ряд общих признаков: 1) предпочтение кремневого сырья исключительно высокого качества; 2) выраженная пластинчатость каменной индустрии: большинство орудий изготовлено на пластинах, а микроинвентарь – на регулярных микропластинах; 3) широкое использование притупляющей краевой ретуши; 4) типологически яркий костяной и бивневый инвентарь; 5) реалистическое искусство мелкой пластики; 6) отсутствие явных различий в сезонной специализации памятников в сочетании со сложным устройством жилых и хозяйственных площадок; 7) важная роль мамонта в промыслово-хозяйственном обеспечении.

Исследования граветта Костенковско-Борщевского района (КБР) долгое время были сконцентрированы на интерпретации памятников костенковско-авдеевского типа, что выразилось в появлении терминов: «виллендровско-костенковское единство», «костенковская культура», «восточный граветт» или «восточный граветтен» – идентичных по содержанию, хотя и не по смыслу. Эти памятники составили стержень концепции культурного единства Центральной и Восточной Европы, сложившегося на граветтской основе в среднюю пору верхнего палеолита. Емкая формулировка для характеристики эпохи – «граветтский эпизод» – была предложена Г. П. Григорьевым [Григорьев, 1994].

© Лисицын С. Н., 2019

* Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме № 0184-2019-0001 и при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-00-00837 комфи

М. В. Аниковичем была выдвинута идея параллельного развития двух вариантов восточного граветта: «виллендорфско-костенковско-зарайского» и «павловско-хотылевско-гагаринского». Им же дополнительно обосновано сосуществование в КБР *костенковско-авдеевской* археологической культуры с *аносовско-гмелинской* (Костенки 11/II, Костенки 21/III, Костенки 5/III) [Аникович, 1998; Аникович и др., 2008, с. 175]. К поздним граветтоидным памятникам с выраженными ориньякоидными чертами отнесены Костенки 4/I, Костенки 9 и Борщево 5/I. Особняком от остальных граветтийских комплексов, согласно М. В. Аниковичу, стоят Костенки 8/II и Костенки 4/II.

По А. А. Симицыну, по типологическим критериям к граветту относятся Костенки 8/II, Костенки 4/II, Костенки 21/III, Борщево 5/I [Симицын, 2013]. Выпадает из граветта комплекс Костенки 11/II с остриями, напоминающими тип федермессер. Второй слой Костенок 8, как наиболее ранний памятник граветта (28–27 тыс. л.н.), по мнению А. А. Симицына, не имеет непрерывной культурной преемственности с поздним граветтом. Костенковско-авдеевские памятники он вовсе исключил из граветта из-за преобладания специфических типов орудий (наконечники с боковой выемкой, ножи костенковского типа) над общими граветтийскими. То есть, по А. А. Симицыну, граветт на Среднем Дону представлен дискретно – в виде раннего комплекса средиземноморского облика (Костенки 8/II) и нескольких локальных вариантов позднего граветта.

Средняя и поздняя пора верхнего палеолита традиционно рассматривается в рамках последовательности двух культурных явлений — граветта и эпиграветта [Бессуднов, 2013; Федюнин, 2018]. В разработках большинства исследователей укоренились термины «восточный эпиграветт» и «эпиграветт» как этапы общей периодизации, несмотря на имеющиеся редкие возражения [Абрамова, Григорьева, 1997, с. 106–109; Лисицын, 1999; Григорьев, 2008]. Наиболее последовательно такая концепция разрабатывалась М.В. Аниковичем, который предложил рассматривать памятники через консерватизм хозяйственного уклада, характерного для Днепро-Донской историко-культурной общности охотников на мамонтов

[Аникович, 1998]. М. В. Аникович также выдвинул гипотезу о частичном сосуществовании позднего этапа восточного граветта с восточным эпиграветтом [Аникович и др., 2008, с. 196–199, 207]. Совмещение двух культурных блоков в рамках «граветтоидного технокомплекса», следовательно, не объясняется им простым происхождением эпиграветта от граветта.

Под восточноевропейским эпиграветтом обычно понимается совокупность памятников пленигляциала — позднеледниковья ~21–12 тыс. л. н., сохраняющих наследие граветтской эпохи [Оленковский, 2008; Кротова, 2013; Нужный, 2015; Гаврилов, 2016]. К нему относятся: пластинчато-миропластинчатый облик инвентаря, изделия с притупленным краем, бивневый инструментарий (пазовые наконечники) и искусство малых форм (антропо-, зооморфная пластика). То есть эпиграветтская атрибуция определяется ретроспективно, исходя из посылки, что эпиграветт все-таки наследует основные черты граветта.

С моей точки зрения, граветтоидные памятники КБР могут быть разделены на три этапа (Табл. 1): финал среднего валдая (~27–22 тыс. л. н.), начало LGM (~21–20 тыс. л. н.) и позднеледниковье (~15–13 тыс. л. н.).

Первое появление граветта ~27–25 тыс. л. н. маркируется в бассейне Дона группой населения с индустрией типа Костенок 8/II. Вторая общность (25–24 тыс. л. н.) оставила александровский комплекс, связанный с павловьеном (Костенки 4/I-II, Костенки 9, Борщево 5/I). Граветтскую последовательность завершает восточно-граветтский комплекс 23–22 тыс. л. н. (Костенки 1/I, Костенки 13 и 18, Костенки 14/I). Начало похолодания ~22–21 тыс. л. н. соответствует появлению индустрий аносовского (Костенки 11/II) и гмелинского (Костенки 21/III) облика. Последний в большей степени наследует граветтским традициям и поэтому может быть ассоциирован с финальным граветтом [Reynolds et al., 2019]. Аносовский комплекс резко выделяется на его фоне спецификой охотничьего вооружения — лакуной граветтских наконечников, а также отсутствием контекста производства МППК в сочетании с серийным производством поли-

Периодизация и хронология памятников граветта–эпиграветта в Костенковско-Борщевском районе (14С даты, по: ¹Палеолит... 1982]; ²Reynolds et al. 2015]; ³[Дудин и др. 2016]; ⁴[Радиоуглеродная хронология... 1997]; ⁵[Sinityn 2004]; ⁶Желтова 2008]; ⁷[Лисицын 2004]; ⁸[Аникович и др. 2008]; ⁹[Синицын 2014b]; ¹⁰[Синицын 2014a]; ¹¹[Reynolds et al. 2017]; ¹²[Дудин и др. 2019])

Периодизация	Культурный комплекс	Памятник/ культурный слой	Даты 14С uncal. BP
1	2	3	4
«РАННИЙ ГРАВЕТТ» (27-25 тыс.л.н.)	<i>Тельманский</i>	Костенки 8/П	27700±750 (GrN-10509) ¹ , 27670±270 (OxA-30198) ² , 27620±270 (OxA-30197) ² , 25640±210 (CURL-15797) ³ , 24500±450 (GIN-7999) ⁴ , 23340±150 (CURL-15816) ³ , 23020±320 (OxA-7109) ⁴ , 21900±450 (GrA-9283) ⁵
«СРЕДНИЙ ГРАВЕТТ» (25-24 тыс.л.н.)	<i>Александровский</i>	Костенки 4 Костенки 9	25290±210 (OxA-30194) сл.1/П ² , 24790±190 (OxA-30193) сл.1/П ² , 24710±200 (OxA-30196) сл.1/П ² , 23000±300 (ГИН-7994) сл.1 ⁴ , 22800±120(ГИН/7995) сл.1 ⁴ , 20290±150 (OxA8310) сл.1/П ⁶ , 14210±70 (OxA-30195) сл.1/П ²

		<p>Борщево 5/Л</p> <p>25110±200 (ОхА-30200) сл.Іа², 24720±190 (ОхА-30199) сл.Іа², 22500±700 (ГИН-10239)⁷, 20000±300 (ЛЕ-6947)⁷, 17400±2000 (ЛЕ-5571)⁷, 14060±110 (ЛЕ-6809)⁷</p>
		<p>Костенки 1/Л</p> <p>~50 дат в интервале 24570-8700 л.н. с концентрацией датировок 23-22 тыс.л.н.⁸</p>
		<p>Костенки 13</p> <p>–</p>
<p>«ПОЗДНИЙ ГРАВЕТТ» (23–22 тыс.л.н.)</p>	<p><u>Костенковско-Авдеевский</u></p>	<p>Костенки 18</p> <p>23440±150 (ОхА-Х-2666-53)¹¹, 21020±180 (ОхА-7128)⁴, 20600±140 (ГИН-8032)⁴, 19830±120 ВР (GrA-9304)⁵, 19300±200 (ГИН-8576)⁴, 17900±300 (ГИН-8028)⁴</p>
		<p>Костенки 14/Л</p> <p>22940±100 (GrA-46676)⁹, 22780±250 (ОхА-4114)⁴, 22500±1000 (ЛЕ-5274)⁴, 21090±220 (АА-91465)⁹, 20730±90 (GrA-46677)⁹, 20100±1500 (ЛЕ-5269)⁴, 19900±850 (ГИН-8024)⁴, 19700±1300 (ЛЕ-5567)⁹</p>

«ФИНАЛЬНЫЙ ГРАВЕТТ» (22–21 тыс.л.н.)	<i>Гмелинский</i>	Костенки 21/III <i>производственные объекты</i>	22860±320 (GrN-24968) ⁶ , 22270±150 (GrN-7363) ¹ , 22230±100 (GrN-14669) ⁶ , 21780±90 (ПИН-9668) ¹⁰ , 21260±340 (GrN-10513) ¹ , 16960±300 (ЛЕ-1043) ¹
«РАННИЙ ЭПИГРАВЕТТ» (~21 тыс.л.н.)	<i>Аносовский</i>	Костенки 21/III <i>жилые объекты</i>	21800±200 (ПИН-2531) ¹ , 15200±300 (ТА-34) ¹
		Костенки 11/II	23258±446 (NSKA-00891) ¹² , 20838±519 (NSKA-00890) ¹² , 20728±316 (NSKA-00886) ¹² ,
		Костенки 11/I	20670±160 (CURL-21040) ¹² , 20620±150 (CURL-22804) ¹² , 20360±150 (CURL-21043) ¹² , 20006±319 (NSKA-00889) ¹² , 19900±350 (ПИН-2532) ¹ , 19514±257 (NSKA-00885) ¹² , 18700±80 (ПИН-8079) ⁴ , 18147±3592 (NSKA-00888) ¹² , 17310±280 (ЛЕ-17046) ¹ , 16040±120 (ЛЕ-1704a) ¹ , 14610±120 (ЛЕ-1637) ¹ , 13854±139 (NSKA-00892) ¹² , 12000±100 (ЛЕ-1403) ¹
«ЭПИОРИНЬЯК» (~20 тыс.л.н.)	<i>Замятинский</i>		

	Костенки 2	3790±900 (ГИН-7993) ⁴ , 23800±150 (ГИН-7992) ⁴ , 17300±160 (ГИН-8570) ⁴ , 16190±150 (ЛЕ-1599) ⁴ , 11000±200 (ГИН-93) ⁴
LGM хиатус		
«ЛОЗДНИЙ ЭПИГРАВЕТТ» (17–15 тыс.л.н.)	Борщево 1	17120±110 (ЛЕ-3727) ⁴ , 15600±70 (ГИН-8085) ⁴ , 15200±100 (ГИН-11198) ⁴ , 15200±200 (ГИН-11199) ⁴ , 15140±100 (ГИН-11197) ⁴
«ФИНАЛЬНЫЙ ЭПИГРАВЕТТ» (14–12 тыс.л.н.)	Борщево 2	14030±280 (ЛЕ-4867) сл.1-гумус ⁴ , 13540±300 (ЛЕ-4834) сл.3 ⁴ , 13480±720 (ЛЕ-4837) сл.1 ⁴ , 13210±270 (ЛУ-742) сл.1 ¹ , 12720±140 (GrA-9249) ⁴ , 12550±200 (ГИН-3261) -гумус ⁴ , 12300±100 (ГИН-88) сл.1-почва ¹ , 11760±240 (Mo-636) сл.1-гумус ⁴ , 10900±300 (ГИН-8415) ⁴ , 10400±200 (ГИН-8084) ⁴ , 9520±300 (ЛЕ-4865) сл.1-гумус ⁴ , 9330±390 (ЛЕ-4866) сл.1-гумус ⁴

морфных притупленных микролитов (аносовских острий). По формальным критериям он скорее соответствует ранне-му эпиграветту [Lisitsyn, 2019].

LGM представлен комплексом типа Костенок 11/Г, инвентарь которого нельзя отнести ни к граветту, ни к эпиграветту. По специфике каменной индустрии и по присутствию специфичных микролитов с мелкой ретушью он может быть охарактеризован как структурно близкий к памятникам сагайдакско-мураловского облика, которые ассоциированы с эпиориньяком [Демиденко и др. 2017].

В позднеледниковье в КБР известны лишь памятники развитого эпиграветта. К ним, судя по 14С-датам (~15 тыс. л.н.) и облику инвентаря, относится основной массив артефактов Борщево 1, хотя материалы стоянки свидетельствуют о культурной неоднородности и, возможно, одновременности находок. Финальный эпиграветт представлен комплексом Борщево 2/Г-III с датировкой рубежом беллинга ~13 тыс. л. н.

Таким образом, граветт и эпиграветт в КБР не имеют непрерывной хронологической последовательности. Отсутствие признаков гибридизации разных генераций граветта в КБР может указывать на то, что пребывание этих сообществ на Дону было последовательным. Завершением местного граветта (гмелинский комплекс) может считаться начало общего похолодания (~21 тыс. л. н.). Памятники начальной фазы LGM представлены «ранним эпиграветом» и «эпиориньяком» (~21–20 тыс. л. н.), которые геологически синхронны «финальному граветту». Ледниковый экстремум определяет дискретность периодизации. Надежно датированные памятники 19–18 тыс. л.н., подходящие для культурной атрибуции, пока не известны. Развитый / финальный эпиграветт типа Борщево 1 и Борщево 2 (соответственно ~15 и ~13 тыс. л. н.) отделен от предшествующих памятников временным hiatusом и не имеет с ними очевидной культурной преемственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова З. А., Григорьева Г. В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3 // Археологические изыскания. Вып. 49. – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – 149 с.

2. Аникович М. В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный Граветт. – М.: Научный мир, 1998. – С. 35–66.

3. Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 304 с. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1).

4. Бессуднов А. А. Палеолитические памятники конца плейстоцена в бассейне Верхнего и Среднего Дона // Проблемы заселения Северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). – СПб.: ЭлекСис. – С. 127–151.

5. Гаврилов К. Н. Верхний палеолит бассейна Десны. Преемственность и вариабельность в развитии материальной культуры. – М.; СПб.: Нестор-История, 2016. – 132 с.

6. Григорьев Г. П. Единство Европы в первый раз: граветтийский эпизод // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. Памяти Геннадия Николаевича Курочкина. – СПб.: ИИМК РАН, 1994. – С. 12–14 (Археологические изыскания. Вып. 13).

7. Григорьев Г. П. Структура палеолита Десны // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке: Замятинский сборник. Вып. 1. – СПб.: Наука, 2008. – С. 48–62. (Замятинский сборник. Вып. 1).

8. Демиденко Ю. Э., Шкрдла П., Риос-Гараузар Ж. Эпи-ориньяк с сагайдакско-мураловскими микролитами на юге Восточной Европы и его европейские перспективы // Археологія і давня історія України. – 2017. – Вип. 3 (24). – С. 38–52.

9. Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Платонова Н. И. Второй культурный слой стоянки Костенки-8 (Тельманская): структура, объекты микростратиграфии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 3. – С. 41–52.

10. Дудин А. Е., Федюнин И. В., Лбова Л. В., Прайор А., Хоффенкер Дж. Ф., Панов В. С., Пархомчук В. В., Холлидей В. Т. Костенки 11 (Аносовка 2). Третий костно-земляной комплекс культурного слоя Ia // Человек и мамонт в палеолите Европы. Памяти М.В. Аниковича. – СПб.: Изд. Бранко, 2019 (в печати).

11. Желтова М. Н. Костенковские стоянки первой надпойменной террасы: варианты адаптации к окружающей среде верхнего плейстоцена // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения М.М. Герасимова. Т. 1. Археология: Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. – СПб.: МАЭ РАН; Наука, 2008. – С. 48–50.

12. Кротова О. О. Пізньопалеолітичні мисливці азовочорноморських степів. Київ: Видавець Олег Філюк, 2013. – 420 с.

13. Лисицын С. Н. Эпиграветт или постграветт? Особенности кремневого инвентаря поздневалдайских памятников с мамонтовым хозяйством // *Stratum plus*. – 1999. – № 1. – С. 83–120.

14. Лисицын С. Н. Хроностратиграфия и археология стоянки Борщево 5 по данным раскопок 2002–2003 гг. // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Материалы Международной конференции (Костенки, 23–26 августа 2004). – Воронеж: Истоки, 2004. – С. 66–79.

15. Нужный Д. Ю. Верхній палеоліт західної і північної України (техніко-типологічна варіабельність та періодизація). – Київ: Видавець Олег Філюк, 2015. – 478 с.

16. Оленковский Н. П. Эпиграветт Восточной Европы. Культурно-исторический аспект. – Херсон: Наддніпряньська правда, 2008. – 432 с.

17. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / под ред. Н. Д. Праслова и А. Н. Рогачева. – Л.: Наука, 1982. – 285 с.

18. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы / под ред. А. А. Сеницына, Н. Д. Праслова. – СПб.: Академпринт, 1997. – 143 с.

19. Сеницын А. А. Граветт Костенок в контексте граветта Восточной Европы // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы) / отв. ред. Г. В. Сеницына. – СПб.: ИИМК РАН, 2013. – С. 4–32.

20. Сеницын А. А. К проблеме культурной принадлежности Пушкарей 1 // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014а. № 18: Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой. – СПб.: изд-во СПбГУ. – С. 234–244.

21. Синецкин А. А. Прерывистость и преемственность в палеолите Костенок // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. – Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014б. – С. 66-76.

22. Федюнин И. В. Поздневалдайские индустрии Костенковско-Борщевского района и проблемы изучения финального палеолита лесостепного Подонья // *Stratum plus*. – 2018. – № 1. – С. 305–324.

23. Lisitsyn S. N. The eastern frontier of the Gravettian in the Kostenki-Borshchevo Palaeolithic locality, the Don basin // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2019. – Т. 64. – Вып. 2. – С. 527–556.

24. Reynolds N., Lisitsyn S. N., Sablin M. V., Barton N., Higham T. F. G. Chronology of the European Russian Gravettian: new radiocarbon dating results and interpretation // *Quartär*. 62. – 2015. – Vol. 62. – P. 121–132.

25. Reynolds N., Dinnis R., Bessudnov A. A., Devière T., Higham T. The Kostënki 18 child burial and the cultural and funerary landscape of Mid Upper Palaeolithic European Russia // *Antiquity*. – 2017. – Vol. 91. – № 360. – P. 1435–1450.

26. Reynolds N., Germonpré M., Bessudnov A. A., Sablin M. V. The Late Gravettian Site of Kostënki 21 Layer III, Russia: a Chronocultural Reassessment Based on a New Interpretation of the Significance of Intra-site Spatial Patterning // *Journal of Paleolithic Archaeology*. – 2019. – Vol. 2. – № 2. – P. 160–210.

27. Sinitsyn A. A. Les sépultures de Kostenki: chronologie, attribution culturelle, rite funéraire. // *La Spiritualité: Actes du colloque de la commission 8 de l'UISPP (Paléolithique supérieur), Liège, 10–12 décembre 2003. Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège*. – Liège: l'Université de Liège, 2004. – P. 237–244. (ERAUL. No 106).

М. Н. Желтова

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ КОСТЕНКОВСКИХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ*

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-66-75

Что означает находка фаунистических остатков на палеолитической стоянке? При всей кажущейся очевидности ответа на этот вопрос, он далеко не так однозначен. Первое, а часто и единственное, что приходит в голову – это кухонные отбросы, остатки трапез древнего населения. Следовательно, эти костные остатки принадлежат в основном промысловым видам животных. Понятно, что при сильном голоде, который относительно регулярно преследовал людей на протяжении всей истории человечества, съесть можно было кого угодно. Однако нам хоть и встречаются археологические свидетельства таких катастрофических ситуаций, но нечасто.

Изучение состава фаунистических коллекций палеолитических стоянок часто приводит к весьма неожиданным выводам. К примеру, интересную картину демонстрирует нам сравнение фаунистических коллекций костенковских стоянок. Здесь мы видим существенное видовое разнообразие, причем совершенно ясно, что некоторые животные определенно не были объектами гастрономических вожделений древних охотников. В пищевом отношении россомаха не может конкурировать, к примеру, с лошадью – добыть ее очень трудно, а съесть... бывает еда и получше. То есть, раз уж попалась, можно и съесть, но добывать ее для еды – идея сомнительная.

Итак, с прагматической точки зрения, кости животных принадлежали:

1. Тем, кого съели;

© Желтова М. Н., 2019

* Исследование выполнено в рамках темы государственной работы № 0184-2019-0001.

2. Тем, кого убили специально, чтобы из шкур сшить одежду, а из костей сделать орудия и украшения;

3. Тем, чьи кости использовали в качестве конструктивных элементов или для каких-то других целей – в этом случае кости далеко не всегда принадлежали жертвам охоты, а часто являлись трофеями собирателей;

4. Тем, кто не вписывается в 3 вышеперечисленные группы, но и не относится к грызунам, почившим в собственных норках на территории стоянки.

К первой группе, несомненно, относятся все копытные и некоторые мамонты (ювенильные особи – наверняка), птицы и рыбы, сурки и лемминги. Ко второй группе – песцы и лисы, возможно, и волки, причем зимние. К третьей – несомненно, мамонты; вероятно, шерстистые носороги. Четвертая группа представляется наиболее интересной и требует самого тщательного рассмотрения.

Впрочем, для начала стоит ознакомиться со списком видов, чьи кости были обнаружены на костенковских стоянках.

Общий список видов, представленных в палеолите Костенок:

1. Заяц (*Lepus* sp.)
2. Суслик (*Citellus* sp.)
3. Сурок (*Marmota* sp.)
4. Бобр (*Castor fiber* (Linnaeus, 1758))
5. Слепыш (*Spalax microphthalmus* (Güld., 1770))
6. Хомяк (*Cricetus cricetus* (Linnaeus, 1758))
7. Степная пеструшка (*Lagurus lagurus* (Pallas, 1773))
8. Желтая пеструшка (*Eolagurus luteus* (Eversmann, 1840))
9. Водяная крыса (*Arvicola amphibius* (Linnaeus, 1758))
10. Слепушонка (*Ellobius* sp.)
11. Полевка обыкновенная (*Microtus* sp.)
12. Полевка-экономка (*Microtus oeconomus* (Pallas, 1776))
13. Большой тушканчик (*Allactaga major* (Kerr, 1792))
14. Волк (*Canis lupus* (Linnaeus, 1758))
15. Псовые (*Canis* sp.)
16. Песец (*Alopex lagopus* (Linnaeus, 1758))
17. Корсак (*Vulpes corsac* (Linnaeus, 1758))

18. Лисица (*Vulpes vulpes* (Linnaeus, 1758))
19. Медведь (*Ursus* (Linnaeus, 1758))
20. Росомаха (*Gulogulo* (Linnaeus, 1758))
21. Пещерный лев (*Panthera spelaea* (Gold., 1810))
22. Мамонт (*Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799))
23. Лошадь (*Equus latipes* (V.Gromova, 1949))
24. Плейстоценовый осел (*Equus hydruntinus* (Regalia, 1904))
25. Шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799))
26. Кабан (*Sus scrofa* (Linnaeus, 1758))
27. Благородный олень (*Cervus elaphus* (Linnaeus, 1758))
28. Северный олень (*Rangifer tarandus* (Linnaeus, 1758))
29. Гигантский олень (*Megaloceros* (Blumenbach, 1799))
30. Лось (*Alces alces* (Linnaeus, 1758))
31. Косуля (*Capreolus capreolus* (Linnaeus, 1758))
32. Бизон (*Bison bison* (Linnaeus, 1758))
33. Бык (*Bos* sp.)
34. Сайга (*Saiga tatarica* (Linnaeus, 1766))
35. Птицы
36. Рыбы
37. Моллюски

Не будем в рамках этого обзора рассматривать те виды, плейстоценовый возраст представителей которых можно поставить под сомнение. В каждом отдельном случае следует пересмотреть положение этих костей в культурном слое стоянки, чтобы убедиться, не относятся ли они к более поздним временам. Таким образом, бобр, кабан, лось и косуля пока остаются вне нашего внимания.

Оставим в стороне и **грызунов**, которых, конечно, могли съесть (хомячков, сусликов), но с той же вероятностью они могли погибнуть в своих норках на территории стоянки после оставления ее обитателями (полевки, слепыши, слепушонки). Казалось бы, водяную крысу тоже можно отнести к этой группе, однако ее кости обнаружены на стоянках, где условия не характерны для ее естественного обитания – Костенки 1 (III) и 14 (II). Так что, скорее всего, это был охотничий трофей (вес взрослой особи достигает 330 г). Большой тушканчик мог быть

добычей, но мог и погибнуть в норе, так как в холодных условиях он часто занимает сусличьи норы. Строение собственных нор тушканчиков таково, что было бы трудно не заметить такую нору в культурном слое – они имеют большой горизонтальный ход и немаленькое гнездо на значительной глубине от дневной поверхности.

Сурок и, как ни странно, степная и желтая пеструшки, несомненно, являлись охотничьей добычей. Конечно, пеструшки очень мелкие – вес степной достигает 35 г, но количество особей говорит само за себя. В слое II Костенок 14–12 особей степной пеструшки (29 костей) и 2 желтой (8 костей), в слое II Костенок 8–15 особей степной пеструшки (32 кости). Вряд ли можно говорить о их случайной гибели на территории стоянок.

Все ли плейстоценовые животные были объектами охоты? Безусловно, большинство, но не все. Первые две группы животных и четвертая – несомненно. С третьей все сложнее. *Мамонтам* посвящено большое количество специальных исследований, причем часть ученых придерживается точки зрения, что на них вообще не охотились, а собирали их кости для своих целей. Этой позиции противоречат находки фрагментов наконечников в костях взрослых мамонтов – 2 в Костенках (Костенки 14 (между горизонтом в пепле и слое IVa) и Костенки 1 (I)), 2 – в Краков Спадзиста. Кроме того, кости ювенильных особей мамонтов, скорее всего, свидетельствуют в пользу охоты на них, поскольку сбор таких костей сам по себе бессмыслен и их положение в слое не несет специфической смысловой нагрузки – в виде конструктивных деталей, например.

Кости *шерстистого носорога* также далеко не всегда являются свидетельствами охоты на него. Учитывая все сложности, с которыми была связана такая охота, многие исследователи вообще отвергают ее возможность. Однако в некоторых случаях очень похоже, что все-таки охота была. Кости носорога были встречены на шестнадцати костенковских стоянках. На десяти из них найдены 1–2 кости, редко 3, в одном случае 4* (Костенки 12, II слой). Скорее всего, это кости где-то по-

* Количество костей из Костенок 2 требует уточнения

добранные и зачем-то принесенные на стоянку. Может быть, определение этих костей и уточнение их положения в слое может позволить приблизиться к пониманию, для чего именно. К примеру, в Костенках 4 найдены 2 кости носорога – по одной в северном и южном жилых комплексах, на соседних линиях квадратов (Рис. 1, 2). В восточной части северного жилого комплекса на одной линии квадратов с севера на юг через 2 м друг от друга залегали 3 фрагмента лучевой кости, в южном – в восточной секции длинного жилища была найдена метаподия. Возможно, эти кости принадлежали разным особям. На четырех стоянках найдено более десятка костей (13–18), также, возможно, собранных в окрестностях для каких-то целей. Исключение составляет слой I Костенок 12, где найдены 64 кости. На общем фоне такая концентрация костей выглядит совершенно неординарно. По всей видимости, здесь как раз речь идет об остатках охотничьей добычи.

Четвертая группа включает в себя животных, несомненно, убитых человеком, при этом цель этого убийства не слишком очевидна. Пещерные львы, медведи и россомахи не являлись промысловыми с пищевой точки зрения и пушными как таковые. Конечно, их шкуры использовались и мясо съедалось, по всей вероятности, но это было, скорее всего, своего рода бонусом, а не самоцелью. Если можно убить оленя или лошадь для еды, нет смысла рисковать и гоняться за львом. Меха тоже не очень хороши по сравнению с песцовым или волчьим. Так что, скорее всего, убийство льва было вопросом престижа для охотников. Кости *пещерного льва* найдены на восьми костенковских стоянках, в количестве от 1 до 6, но и здесь есть исключение – в Костенках 4 было найдено 58 костей, 7 в южном комплексе (минимум одна особь) и 45 в северном (минимум 3 особи). Важно отметить, что все 4 особи представлены исключительно краниальными, карпальными и тарзальными костями (в основном костями свободных конечностей). По всей видимости, речь могла идти о шкурах льва, принесенных на стоянку. В двух случаях можно говорить о задней лапе льва – в западном круглом жилище северного комплекса залегали на одном квадрате бедренная и большая берцовая

кости, а в трех метрах – малая берцовая (Рис. 2). В длинном жилище, также на расстоянии трех метров друг от друга, залегали эпифиз бедренной кости и большая берцовая. Между западным и восточным жилищами была найдена передняя лапа льва – локтевая и лучевая кости. Два черепа найдены один на другом возле очага западного жилища северного комплекса, один (верхняя челюсть с зубами) – в длинном жилище (Рис. 2). В южном комплексе также была найдена верхняя челюсть с зубами (Рис. 1). Напрашивается вывод, что львиная шкура являлась необходимым статусным элементом убранства жилища. Примечательно, что ни в одном случае львиные зубы не были использованы для изготовления подвесок или как-либо обработаны.

Схожая картина наблюдается и с костями *волка*: в южном комплексе Костенок 4 найдено 58 костей (Рис. 1), в северном – 62 (Рис. 2), представленных, главным образом, краниальными (зубы, челюсти, фрагменты черепа), карпальными и тарзальными костями (в основном кости свободных конечностей). Кроме них в южном комплексе найдены головка ребра и крестец, в северном – 2 лопатки (одна в северо-западной части длинного жилища, вторая – у очага в восточном круглом жилище), тазовая в 2,5 м к югу от западного круглого жилища и 2 тазовые в длинном жилище, между круглыми, залегавшие вместе с восемью позвонками и тремя эпифизами позвонков (Рис. 2). Учитывая этот фактор, можно предположить, что волков хотя бы в некоторых случаях приносили на стоянку целиком, в отличие от львов. Наличие хвостовых позвонков указывает на использование их шкур в быту обитателей стоянки.

В значительном количестве костные остатки волка представлены в Костенках 1 (слой I: 9 особей/370 костей), Костенках 8 (слой I: 5 особей/256 костей), Костенках 8 (слой II: 8 особей/204 кости), в слоях II (5 особей/228 костей) и III (6 особей/332 кости) Костенок 11.

Любопытная ситуация складывается с костями *медведя*, определенного в основном как пещерный (для Костенок 2 – бурый). Кости медведя обнаружены всего на восьми стоянках

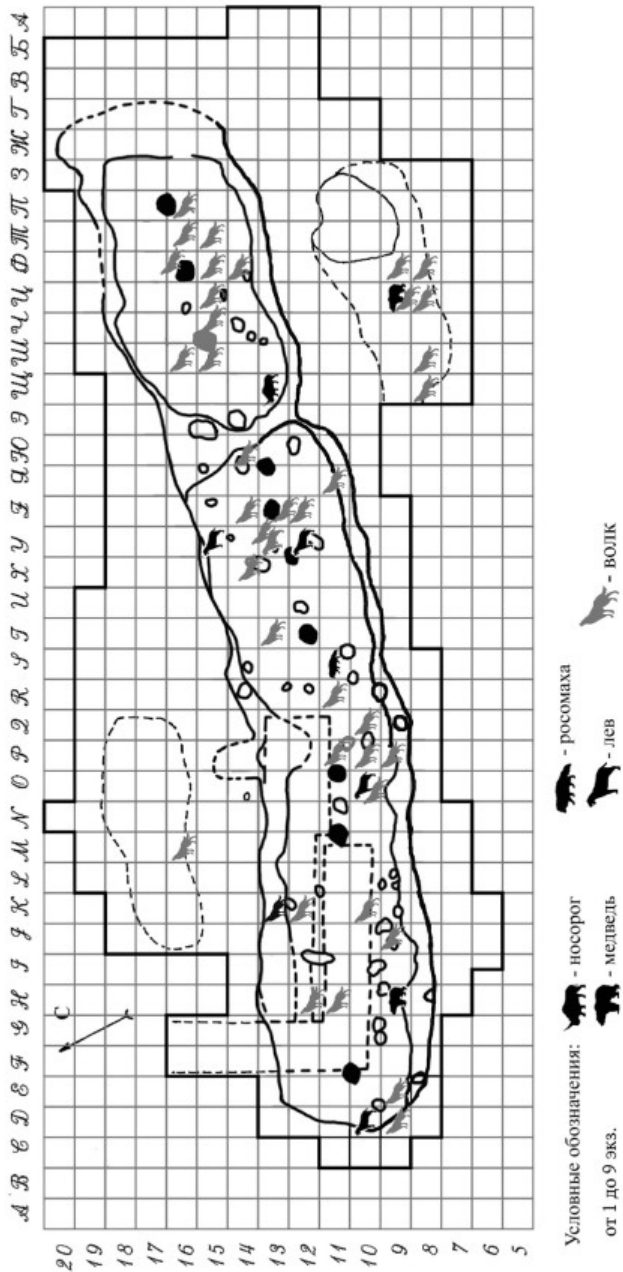

Рис. 1. Костенки 4. Южный комплекс. Пространственное распределение костей разных животных

(Костенки 1 (I), 2, 3, 4, 11 (Iб), 12 (I), 14 (IV)?, 21 (II)), причем всегда в очень малом количестве – не более 4 (для Костенок 2, 3 и 21 мы знаем лишь о наличии костей медведя, не о количестве). В Костенках 4 разбитый клык с фрагментом челюсти был найден возле очага в северном длинном жилище, в южном комплексе таранная кость залегала в западной секции жилища, а локтевая – в центре южного внешнего скопления культурных остатков (Рис. 1, 2).

Также мало костей *росомахи* в каждой из пяти стоянок, где они присутствуют (Костенки 1 (I: 4; III: 17), 4: 3, 11 (II: 3), 17 (II: 1)). Возможно, охота на росомаху, как и на льва, имела статусный или ритуальный характер. В южном комплексе Костенок 4 фаланга росомахи лежала в ямке в средней секции жилища вместе с метаподией сайги (Рис. 1). В северном комплексе часть нижней челюсти с зубами и верхний клык особо крупной особи были найдены в западном жилище неподалеку от очага (Рис. 2). Трудно понять, почему так мало костей медведя: представить себе, что кости медведей и росомах были подобраны и принесены на стоянку, крайне сложно.

Кости *лисы* были найдены на четырех стоянках (Костенки 1 (I), 2, 11 (Iб), 13), причем в значительном количестве (28, минимум от трех особей) они представлены только в Костенках 1 (I). *Корсак* определен только в одном случае – это лопатка из северного комплекса Костенок 4. *Псовые* из Костенок 4 требуют более точного определения, что совсем не просто, поскольку они представлены фалангами. Это не позволяет строить предположения об их конкретной роли в качестве охотничьей добычи, но в целом, пожалуй, все представители семейства псовых должны быть отнесены ко второй группе. К ней же, несомненно, относится и *песец*, в немалых количествах добывавшийся на некоторых стоянках, по всей видимости, в зимний период.

С песцом и *зайцем* складывается весьма интересная ситуация, заслуживающая отдельного рассмотрения. Здесь же коротко можно отметить следующее: эти животные имели важное промысловое значение как пушные. К тому же зайцев, несомненно, съедали (в костенковских стоянках кости зайца

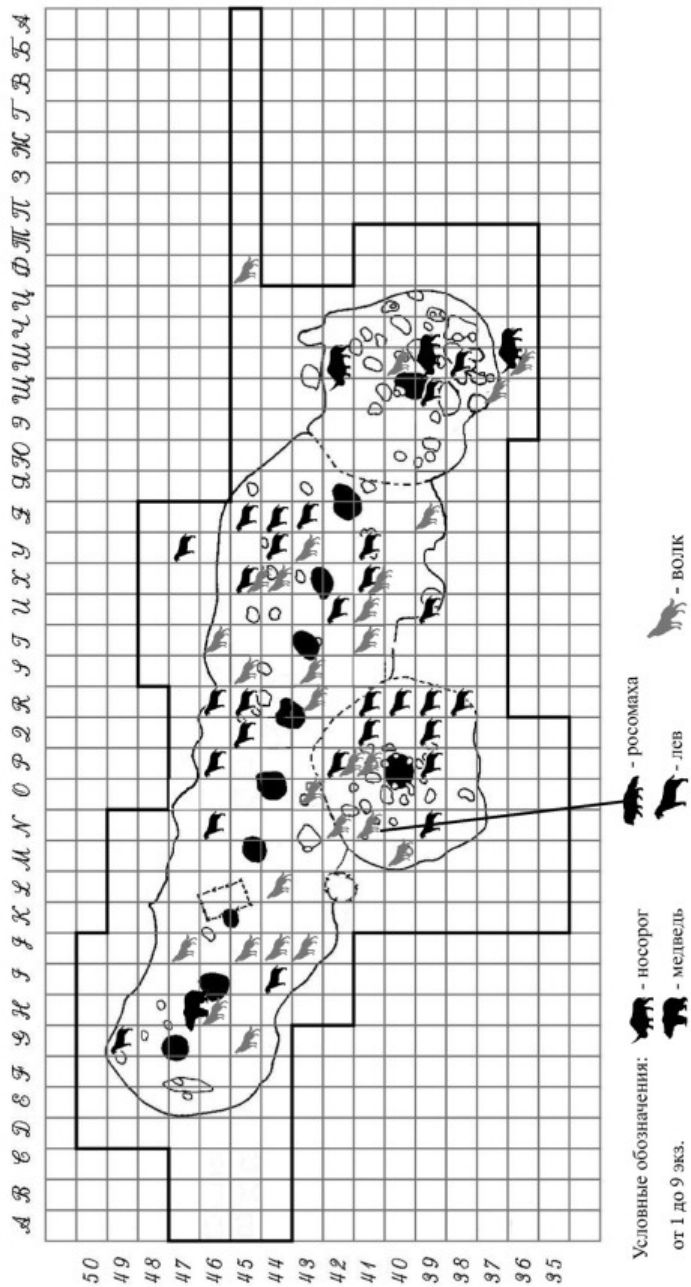

Рис. 2. Костенки 4. Северный комплекс. Пространственное распределение костей разных животных

всегда разрознены). Возможно, иногда такая участь постигала и песцов, но есть факты, указывающие на то, что с них просто сдирали шкурку, а тушки выбрасывали целиком (одна камера трехкамерной землянки в Костенках 1 была заполнена скелетами песца, залегавшими в анатомическом порядке). По количеству костей песцов и зайцев костенковские стоянки разделились на «заячьи»; «песцовые»; стоянки, где много и зайцев, и песцов; стоянки, где их нет или мало. На «заячьих» стоянках кости зайца существенно преобладают в процентном соотношении над всеми остальными (Костенки 8 (II) – 41,24 %; Костенки 4 – 74,6 %; Костенки 14 (III) – 84,5 %), или просто составляют немалую долю – более 10 % (Костенки 8 (I), 14 (II, IV, IVb), 17 (I), 21 (III)). «Песцовых стоянок» меньше (Костенки 1 (III: 66,27 %), 10, 13 (66,6 %), 14 (горизонт пепла: 80,11 %), 15 (с учетом 150 зубов-подвесок из погребения), 17 (II)). Примерно равную долю кости зайцев и песцов составляют на трех стоянках: Костенки 11 (II и Ib) и 16. Отражают ли эти соотношения сезонность обитания стоянок, или климатические колебания, или следует искать другое объяснение – этот вопрос требует дальнейших исследований.

А. Н. Бессуднов

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк*

**ПОЗДНЯЯ ПОРА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА
ДИВНОГОРЬЯ И КОСТЕНОК:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ***

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-76-78

Развитие материальной культуры населения Донского бассейна рубежа плейстоцена/голоцена происходит на фоне глобальных изменений природной обстановки. В ходе их изучения получены дополнительные свидетельства для большего понимания особенностей этих процессов, как в зональном плане, так и в хронологическом.

Как известно, происходящие в это время процессы были вызваны, главным образом, ландшафтными изменениями, выразившимися в чередовании снегопадов и оттепелей, приводивших к образованию плотного ледового наста, пробить который животные с целью добычи травы для прокорма могли далеко не всегда, что, в конечном итоге, приводило их к массовым голодовкам, а затем и к гибели. Именно в периоды отступления ледника и потепления климата крупные социальные объединения распадаются. Часть населения переселяется в постгляциальную тундру, то есть в более богатые природными ресурсами северные районы, а оставшиеся вынуждены в поисках пищи часто менять места обитания. Поэтому практически по всей территории Восточной Европы, за исключением ее северной части, крупные поселения сменяются мелкими кратковременными стойбищами.

В предлагаемом докладе мы рассматриваем четыре стоянки двух близко расположенных микрорегионов Среднего Дона: Костенковско-Борщевского района (далее КБР) и Дивногорья, которые относятся к заключительной (дриасовой) стадии плейстоцена.

© Бессуднов А. Н., 2019

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Липецкой области в рамках научного проекта № 18-49-48 0007

Общее:

1. Каменный инвентарь Дивногорья 1, 9 и Борщево 1, 2 имеет много общего. Техника первичного расщепления пластинчатая, в орудийном наборе преобладают скребки, в основном, простых форм, и ретушные резцы [Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н., 2010]. Показательными являются орудия с притупленным краем, косоусеченные острия и тронкированные пластины, что позволяет отождествлять эти комплексы с эпиграветтийской традицией.

2. Геоморфологически все рассматриваемые поселенческие памятники приурочены к низким надпойменным террасам. Исключение составляет Дивногорье 9 – как иной функциональный тип памятника – место забоя животных.

3. Индустрии дивногорских и борщевских стоянок не находят прямых аналогий с более ранними материалами (в частности, со стоянками замятнинской культуры), а также не имеют продолжения в более поздних индустриях.

4. Для всех памятников рубежа плейстоцена/голоцена бассейна Среднего Дона отдельную проблему составляет хронологическая лакуна между поздним палеолитом и мезолитом. Даже если принимать во внимание наиболее молодые датировки для палеолитических стоянок, очевидно, что между ними и мезолитическими памятниками существует значительный хронологический промежуток (не менее двух тысяч лет), который приходится на время существования финальнопалеолитических культур, на данный момент в регионе не представленных.

Особенное:

1. В первую очередь, обращает на себя внимание фаунистический состав: в Борщево 1 и 2 преобладает мамонт, в то время как в Дивногорских памятниках – лошадь, а мамонт отсутствует полностью. Это может объясняться:

- различным широтным положением;
- разным возрастом памятников;
- различной охотничьей специализацией;
- разными типами памятников.

На Дивногорских стоянках представлена специфическая форма хозяйства, выраженная в массовой охоте на дикую ло-

шадь. Весьма отличительной является связь памятников с различной функциональной специализацией: место забоя – место разделки («kill site» – «butchering site»), аналогию которой в Восточной Европе можно обнаружить лишь в Амвросиевке [Борисковский, 1953]. Напротив, скопления костей мамонта на Борщево 1 иногда интерпретируются как места естественной аккумуляции костей.

2. Стоянка Борщево 1, самая ранняя из рассматриваемых, относится ко времени около 16–15 тыс. л.н. Каменный инвентарь памятника несколько отличается от других коллекций «типичного» донского эпиграветта: присутствуют миниатюрные «атипичные» наконечники с боковой выемкой, двойные ретушные резцы в форме параллелограмма и др.

3. В коллекции каменного инвентаря Дивногорья 1 важной составляющей является некремневый компонент, выраженный различными терочниками и ложилами, что, возможно, является отражением функциональной специализации стоянки. На других стоянках этот компонент менее выразителен.

4. Наличие в Дивногорье кратковременных охотничьих лагерей, в то время как в Борщево 1 и, возможно, Борщево 2 имеются косвенные свидетельства разрушенных (?) долговременных жилых конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессуднов А. А., Бессуднов А.Н. Новые верхнепалеолитические памятники у хутора Дивногорье на Среднем Дону // РА. – 2010. – № 2. – С. 136–145.

2. Борисковский П. И. Палеолит Украины // МИА. – № 40. – М.; Л.: Наука, 1953. – 464 с.

А. В. Панин¹, А. А. Сеницын², А. А. Бессуднов²

¹Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова, Москва;

*²Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

ВРЕМЯ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПЕРИОДОВ ЭРОЗИИ ПО РАЗРЕЗАМ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК КОСТЕНКОВСКОЙ ГРУППЫ*

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-79-81

Археологические раскопки последних лет в Костенках привели к открытию серии эрозионных врезов, что обусловило возникновение проблемы существования последовательных, возможно ритмичных, периодов усиления эрозионной деятельности. Проблема сводится к трем основным вопросам: (1) времени их существования, (2) природным условиям, определившим преобладание эрозионных процессов над осадконакоплением, (3) их продолжительности. Третий аспект имеет наиболее важное для археологии значение в связи с выделяемой серией хиатусов и открытым вопросом о их связи или с отсутствием населения, или с отсутствием отложений. Для второго варианта возможны две версии: или это связано (а) с затуханием (до минимума) осадконакопления, или (б) с последующим уничтожением отложений (вместе с культурными остатками).

По разрезам Костенок 14 выделяется три эрозионных вреза, на основании радиоуглеродных датировок культурных слоев в хронологических рамках: (1) 25–27 тыс. 14С /cal~30–32 ka что соответствует НЕЗ или последовательности климатических фаз GS5.1 – GI5.1 – GS5.2, (2) 34–35 тыс. 14С /cal~40–42 ka в рамках GI9–GS10–GI10–GS11, и (3) 36–37 тыс. 14С /cal~43–44 ka в пределах GI11–GS12 (Гренландская шкала – уточненная хро-

© Панин А. В. , Сеницын А. А., Бессуднов А. А., 2019

* Исследование выполнено при поддержке грантов РФФИ № 17-06-00319 и РНФ № 18-78-00136, а также в рамках темы государственной работы № 0184-2019-0001

нология INTIMATE, [по Rasmussen et al., 2014]. Периоды формирования и функционирования овражков могли быть значительно более кратковременными – в пределах нескольких десятилетий, так же как предельно быстрым было и заполнение овражных выемок (как правило, слоистыми отложениями). По разрезу Костенок 17 фиксируется один эрозионный врез на уровне II культурного слоя с датами ок. 36 тыс. лет 14C /cal~41-42 ka/ GI10–GS11, что допускает с одинаковой степенью вероятности его корреляцию с обоими наиболее древними овражкам Костенок 14.

Формированию оврагов благоприятствовали местные геоморфологические условия. Вторая терраса Покровского Лога представляет собой пологий склон с достаточно крупным водосбором. Более того, непосредственно выше стоянки Костенки 14 склон имеет «собирающую» форму, т.е. концентрирует, а не рассеивает сток воды, как на соседних участках. При этом в голоцене, например, формирования оврагов при тех же геоморфологических условиях не происходило – очевидно, объем и интенсивность атмосферных осадков никогда не были достаточными для формирования пороговых для эрозии величин поверхностного стока. Не было таких событий и в фазу максимального похолодания позднего плейстоцена (МИС 2). Все зафиксированные события линейной эрозии относятся к эпохе МИС 3, для которой характерны высокоамплитудные температурные осцилляции с периодом 1–2 тыс. лет – т.н. события Данстора–Эшгера, или гренландские стадии (GS) – интерстадии (GI). Вероятно, колебания температур сопровождалось и значительными изменениями в режиме осадков. Точность датирования пока не позволяет однозначно связывать усиление эрозионной деятельности с холодными (GS) или теплыми (GI) климатическими фазами. Однако следует отметить, что в последующий период с 27 до 15 тыс. л.н., когда заметных фаз потепления не отмечалось, не обнаружены и следы линейной эрозии, что может указывать на формирование овражков именно в теплые эпизоды (GI).

Культурные остатки палеолитических культурных слоев фиксируются на бортах овражков и в их заполнении. Не ис-

ключено, что с их формированием или климатическими условиями, сопровождавшими их формирование, связано прекращение обитания стоянок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rasmussen S. O., Bigler M., Blockley S. P., Blunier T., Buchardt S. L., Clausen H. B., Cvijanovic I., Dahl-Jensen D., Johnsen S. J., Fischer H., Gkinis V., Guillevic M., Hoek W. Z., Lowe J. J., Pedro J. B., Popp T., Seierstad I. K., Steffensen J. P., Svensson A. M., Vallelonga P., Vinther B. M., Walker M. J. C., Wheatley J. J., Winstrup M. A stratigraphic framework for abrupt climatic changes during the Last Glacial period based on three synchronized Greenland ice-core records: refining and extending the INTIMATE event stratigraphy // *Quaternary Science Reviews*. – 2014. – Vol. 106. – P. 14–28.

С. Н. Седов¹, А. А. Сеницын²

¹Университет Мехико, Мексика;

Тюменский государственный университет, Тюмень;

²Институт Истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

ДРЕВНИЕ ПОГРЕБЕННЫЕ ПОЧВЫ РАЗРЕЗА КОСТЕНОК 14: ПЕДОГЕНЕТИЧЕСКИЕ СОБЕННОСТИ, СТРАТИГРАФИЯ И ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ*

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-82-84

Палеопочвенные уровни имеют принципиальное значение для построения стратиграфических схем разрезов, вскрытых на позднепалеолитических памятниках Костенковско-Борщевского района, а также для построения палеоэкологических и георхеологических моделей поскольку: 1) они являются маркерами стабильных поверхностей благоприятных для обитания плейстоценовой фауны, включая человека, 2) именно с ними связана большая часть культурных слоев, 3) несмотря на относительно малую мощность эти уровни содержат богатую «почвенную память» – набор признаков педогенетических процессов, являющихся индикаторами древней природной среды. Для разреза Костенок 14 разработана педостратиграфическая схема, стыкующая основные палеопочвенные уровни с культурными слоями и сопровождающаяся инструментальной хронологической шкалой.

Палеопочвенные уровни, расположенные в основании разреза Костенок 14 под горизонтом вулканического пепла (около 39 тыс. лет) и соответствующие «нижней гумусовой толще», представляют особый интерес – они связаны с древнейшими археологическими находками и могут дать информацию об условиях первоначального заселения региона человеком со-

© Седов С. Н., Сеницын А. А., 2019

* Исследование выполнено при поддержке грантов РФФИ № 17-06-00319 и № 18-39-20009, а также в рамках темы государственной работы № 0184-2019-0001

временного типа. Эти почвы (K14/IV и K14/V по предложенной схеме) существенно отличаются от вышележащих по набору педогенетических характеристик. В них наблюдаются морфологические признаки глеевых процессов, требующих избыточного увлажнения. Физико-химические характеристики, в частности, низкие значения магнитной восприимчивости, также указывают на гидроморфное почвообразование. Палеоландшафтная интерпретация данных признаков неоднозначна. С одной стороны, гидроморфизм может быть связан с более влажными климатическими условиями – в этом отношении палеопочвенные данные хорошо согласуются с палеоботаническими результатами, показывающими максимальное обилие древесной пыльцы (в частности, ели) в нижней части разреза K14 [Величко и др. 2009]. С другой стороны, учитывая положение разреза на балочной террасе относительно близко к днищу, можно предполагать, что геоморфологическая эволюция балки будет оказывать значительное влияние на увлажнение почвенного профиля. Схема такой эволюции, предложенная А.В. Паниным [Панин, Некрасов, 2013], предполагает слабый врез тальвега балки в рассматриваемый период. Это могло затруднять внутренний дренаж почвенно-грунтовой толщи и создавать предпосылки для гидроморфного педогенеза.

Интересны наблюдения в палеопочвенном уровне K14/III, который связан с вулканическим пеплом. Микроморфологический анализ показал, что линзы и пятна пепла, обнаруживаемые в почвенном горизонте, практически не затронуты выветриванием и педогенезом. Почвенная масса формировалась из не-пепловых отложений, накопившихся ранее. На основе этих наблюдений был сделан вывод, что палеопочва K14/III была в основном образована до пеплопада. Вскоре после него палеопочва была локально переотложена и частично перемешана со свежим пирокластическим материалом, а затем погребена под более молодыми склоновыми наносами. Такая динамика поверхностных процессов может свидетельствовать о значительном ухудшении климатических условий немедленно после отложения пеплового слоя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Величко А. А., Писарева В. В., Седов С. Н., Сеницын А. А., Тимирева С. Н. Палеогеография стоянки Костенки-14 (Маркина гора) // АЭАЕ. – 2009 – № 4 (40). – С. 35–50.

2. Панин А. В., Некрасов Д. Ю. Эрозионная история Покровского лога в районе стоянки Костенки 14 // Путеводитель научных экскурсий XII Международного симпозиума и полевого семинара по палеопочвоведению «Палеопочвы, педоседименты и рельеф как архивы природной среды» (10–15 августа, 2013, Курская и Воронежская области, Россия). – М., 2013. – С. 79–84.

**Е. А. Константинов¹, В. В. Пономарева², Н. В. Карпухина¹,
Е. А. Мазнева¹, М. В. Портнягин³, Е. А. Зеленин⁴,
А. В. Новикова⁵**

¹*Институт географии РАН, Москва;*

²*Институт вулканологии и сейсмологии ДВО РАН,
Петропавловск-Камчатский;*

³*GEOMAR, Германия, Киль;*

⁴*Геологический институт РАН, Москва;*

⁵*Московский государственный университета
имени М. В. Ломоносова, Москва*

ТЕФРА И КРИПТОТЕФРА НА ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЕ – НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В ГЕОХРОНОЛОГИИ*

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-85-89

Тефра (вулканический пепел) представляет собой удобный инструмент для корреляции осадочных отложений. Крупные эксплозивные извержения с объемом эруптивного материала более 10 км³ происходят регулярно – с частотой 50–100 лет. Пепел от таких извержений может подниматься высоко в стратосферу, а зафиксированная дальность разноса пепла достигает 5–7 тыс. км. Выпадение пепла происходит по меркам геологического времени мгновенно – от первых дней до нескольких месяцев. Таким образом, тефра образует изохрону в осадке, что позволяет прямо коррелировать удаленные разрезы, опираясь на уникальность химического состав вулканического пепла для каждого отдельного извержения. Вблизи вулкана пепел часто образует в осадке видимый прослой – тефру. На удалении от вулкана, где плотность облака вулканического пепла существенно падает, выпадающие из атмосферы вулканические частицы рассеиваются в осадке, образуя прослой криптотефры (скрытой, не видимой невооруженным глазом). Вне зон вулканической активности находки видимых просло-

© Константинов Е. А., Пономарева В. В., Карпухина Н. В., Мазнева Е. А., Портнягин М. В., Зеленин Е. А., Новикова А. В., 2019

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № РФФИ 17-06-00319

ев тефры довольно редки, фрагментарны и связаны только с крупнейшими эксплозивными извержениями. Потенциал обнаружения криптотефры намного выше, что показали недавние работы по Гренландии, северной Атлантике и Западной Европе [Davies, 2015]. Современные аналитические методики (ЕРМА, LA ICP-MS) позволяют с высокой точностью определять химический состав отдельных частиц тефры, выделенных из осадка. Возраст тефры может быть определен как по продуктам извержения ($^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$ метод), так и по возрасту вмещающих осадков (^{14}C , ОСЛ), что открывает большой геохронологический потенциал для криптотефры.

Тефрохронологические исследования находят применение при решении задач самых разных дисциплин, прежде всего, палеоклиматологии, океанологии и археологии. Геохимическая идентификация одного и того же пепла в разрезах различных наземных и подводных отложений позволяет напрямую коррелировать запечатленные в них климатические события и таким образом синхронизировать и датировать изменения климата и другие события на огромных территориях [Davies et al., 2014; Lane et al., 2013, 2014]. Такие работы активно ведутся в североатлантическом регионе, где на основании корреляции пепловых прослоев проводится сопоставление ледовых колонок Гренландии с морскими осадочными колонками в Атлантике и наземными колонками в Европе, что позволяет проверить синхронность запечатленных в них климатических изменений [напр., Abbott et al., 2012; Lowe, 2011; Blockley et al., 2014]. На основании тефрохронологических исследований, например, показано одновременное наступление похолодания молодого дриаса в различных частях Европы [Lane et al., 2013]. Такие исследования получают приоритетное финансирование Европейского исследовательского совета и национальных научных фондов таких стран, как Великобритания [Davies et al., 2015]. Применение тефры и криптотефры в археологических исследованиях позволило синхронизировать более десятка ключевых разрезов на огромной территории от севера Африки до бассейна р. Дон, уточнить время сосуществования неандертальцев и анатомически современного человека [Lowe et al., 2012].

К настоящему времени накоплен обширный материал по составу тефр различных извержений, который объединяют в региональные и глобальные базы данных (RESET tephra database, TephraBase). Территория Центральной и Западной Европы плотно покрыта точками (несколько сотен) с местонахождениями вулканического пепла, преимущественно криптотефры. К сожалению, приходится констатировать, что территория европейской части России существенно недоизучена в отношении тефрохронологии. В международных базах данных эта территория представляет своего рода «terra incognita», она практически лишена точек с местами геохимической идентификации вулканических пеплов. Известно лишь четыре точки обнаружения криптотефры [Wastegard et al., 2000; Hafliðason et al., 2018]: 1) озеро Медведевское, Ленинградская область; 2) озеро Посторское, Ленинградская область; 3) озеро Бол. Щучье, ЯНАО; 4) озеро Ямозеро, Республика Коми. В осадках указанных озер обнаружена рассеянная тефра «Vedde Ash», являющаяся продуктом крупного извержения вулкана Катла (Исландия), которое произошло примерно 12,1 тыс. л.н.

Вместе с тем, отечественными геологами к концу XX столетия было описано на территории европейской России (преимущественно в южной части) не менее 100 местонахождений визуально различных слоев вулканического пепла [Карлов, 1957; Цеховский и др., 1998 и др.]. Значительная часть этих пеплов, вероятно, принадлежит суперизвержению Флегрейских полей (Апеннинский п-ов), произошедшему около 40 тыс. лет назад [Мелекесцев и др., 1984]. Однако достоверно источник установлен только для одного местонахождения – тефры, обнаруженной в районе села Костенки, где расположена знаменитая группа палеолитических стоянок.

Таким образом, одной из наиболее актуальных задач в тефрохронологии европейской России является ревизия «старых» местонахождений тефры и геохимическая идентификация вулканического материала при помощи современных методик анализа. Другой перспективной задачей является поиск криптотефры в наиболее полных архивах осадочных от-

ложений – озерных, болотных, лессовых. Эта работа позволит существенно уточнить хронологические рамки отдельных палеогеографических событий и синхронизировать их с глобальными палеоклиматическими архивами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карлов Н. Н. К истории изучения вулканических пеплов Европейской части СССР // Бюлл. МОИП. – 1957. – Т. 32 (2). – С. 25–47.

2. Мелекесцев И. В., Кирьянов В. Ю., Праслов Н. Д. Катастрофическое извержение в районе Флегрейских полей (Италия) – возможный источник вулканического пепла в позднелейстоценовых отложениях Европейской части СССР // Вулканология и сейсмология. – 1984. – № 3. – С. 35–44.

3. Цеховский Ю. Г., Муравьев В. И., Бабушкин Д. А. Четвертичные вулканические пеплы Восточно-Европейской платформы // Литология и полезные ископаемые. – 1998. – № 3. – С. 292–307.

4. Abbott P. M., Davies S. M., Steffensen J. P., Pearce N. J. G., Bigler M., Johnsen S. J. et al. A detailed framework of Marine Isotope Stages 4 and 5 volcanic events recorded in two Greenland ice-cores // Quat. Sci. Rev. – 2012. – P. 36, 59–77.

5. Blockley S. P., Bourne A. J., Brauer A., Davies S. M., Hardiman M., Harding P. R. et al. Tephrochronology and the extended intimate (integration of ice-core, marine and terrestrial records) event stratigraphy 8–128 ka b2k // Quat. Sci. Rev. – 2014. – P. 106, 88–100.

6. Davies S. M. Cryptotephra: the revolution in correlation and precision dating // J. Quat. Sci. – 2015. – P. 30, 114–130.

7. Davies S. M., Abbott P. M., Meara R. H., Pearce N. J. G., Austin W. E. N., Chapman M. R. et al. A North Atlantic tephrostratigraphical framework for 130–60 ka b2k: new tephra discoveries, marine-based correlations, and future challenges // Quat. Sci. Rev. – 2014. – P. 106, 101–121.

8. Haflidason H., Regnell C., Pyne-O'Donnells, Svendsen J. I. Extending the known distribution of the Vedde Ash into Siberia: occurrence in lake sediments from the Timan Ridge and the Ural Mountains, northern Russia. – Boreas, 2018.

9. Lane C. S., Brauer A., Blockley S. P., Dulski P. Volcanic ash reveals time-transgressive abrupt climate change during the Younger Dryas // Geology. – 2013. – 41. – P. 1251–1254.

10. Lane C. S., Cullen V. L., White D., Bramham-Law C. W. F., Smith V. C. Cryptotephra as a dating and correlation tool in archaeology // J. Archaeol. Sci. – 2014. – P. 42, 42–50.

11. *Lowe D. J.* Tephrochronology and its application: A review // *Quat. Geochronol.* – 2011. – 6. – P. 107–153.
12. *Lowe J., Barton N., Blockley S., Ramsey C. B., Cullen V. L., Davies W. et al.* Volcanic ash layers illuminate the resilience of Neanderthals and early modern humans to natural hazards // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA* 109. – 2012. – P. 13532–13537.
13. *Wastegard S., Wohlfarth B., Subetto D. A., Sapelko T. V.* Extending the known distribution of the Younger Dryas Vedde Ash into north-western Russia // *J. Quaternary Sci.* – 2000. – Vol. 15. P. 581–586.

Ю. С. Губар¹, А. А. Сеницын², С. О. Урюпов³, Л. В. Лбова¹

¹Новосибирский государственный университет, Новосибирск;

²Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург;

³Отдел научно-технической экспертизы,
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПИГМЕНТОВ СТОЯНКИ КОСТЕНКИ 14*

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-90-92

Первые физико-химические и экспериментальные исследования пигментов из материалов Костенковского археологического комплекса были проведены Н. Д. Прасловым на материалах памятника Костенки 1, в результате чего был установлен состав и способ изготовления красителей [Праслов, 1992]. Спустя достаточно большой промежуток времени изучение красок костенковских памятников было возобновлено на материалах Костенок 1 [Яншина, Желтова, 2018] и Костенок 14 [Губар, 2017]. Нами представлены результаты анализа пигментов стоянки Костенки 14 методами SEM-EDX и ГЖХ-МС.

Костенки 14 – многослойный памятник, где зафиксировано 8 культурных слоев, которые залегают неравномерно на различных участках площади памятника [Сеницын, 2015], из-за чего возникает проблема выделения и культурной интерпретации отдельных слоев. Ввиду сложной стратиграфии стоянки была сделана выборка образцов пигментов из II и IVб слоев с целью их возможного дальнейшего использования в качестве культурного маркера.

На первом этапе исследования применялся метод сканирующей электронной микроскопии и энергодисперсионной спектроскопии (SEM-EDX), используемый для определения элементного состава. На сканирующем электронном микроскопе Hitachi TM3000 (Япония) и элементном анализаторе Bruker Nano GmbH Quantax 70 (Германия) было проанализи-

© Губар Ю. С., Сеницын А. А., Урюпов С. О., Лбова Л. В., 2019

* Работа выполнена при поддержке РФФИ-CNRS, проект НЦНИЛ-а, № 17-56-160-16 и РФФИ № 17-06-00319

ровано 13 образцов (9 из II к.с., 4 из IVб к.с.). На основании анализа было сделано заключение о структуре и характере пигментов. Они разделены на природные (образцы №2, 5, 13 из II к.с. и образец №4 из IVб к.с.) и искусственные (образцы № 1, 3, 6, 7, 11, 12 из II к.с. и образцы № 8, 9, 10 из IVб к.с.) [Губар, 2017]. Основными критериями такого разделения были количественные показатели компонентов, в первую очередь железа и возможных добавок.

Во всех элементных составах образцов природного происхождения железо доминирует, его содержание варьируется от 27 до 47 %. Содержание алюмосиликатных добавок незначительно: кремния в пределах 6–12 %, алюминия – 2–3 %. Кальций присутствует во всех образцах, кроме № 5, и его представительство в составе несущественно – 2–5 %. Калий и магний содержатся только в двух образцах (№ 2 и 13), их содержание ниже порога значимости (0,4 и 0,6 %). Образцы данной группы представлены кусочками природного гематита и гетита.

Химический состав искусственных пигментов отличается по количественным показателям и набору элементов: содержание железа от 10 до 20 %, в некоторых случаях оно не является доминирующим, как это было в элементных составах образцов природного происхождения. В искусственных пигментах повышены показатели кремния (9–28 %), алюминия (1–10 %) и кальция (2–12 %). Калий присутствует почти во всех образцах, кроме № 6 и 12, и расположен выше порога значимости (1–1,3 %), в остальных составах его содержание не превышает 0,8 %. Также фиксируется незначительное присутствие магния, натрия, фосфора и титана, последние два элемента встречаются только в составах этой группы. Образцы искусственного происхождения представлены красным и желтым пигментом.

На втором этапе исследования использовался метод ГЖХ-МС с пробоподготовкой FAME для определения в образцах № 1, 6, 7, 12 (II к.с.) и № 8 (IVб к.с.) различных добавок. В результате было установлено наличие в представленных образцах органических веществ, которые могли служить связующим для неорганической части (пигментов). Количественный

состав органических компонентов позволяет разделить представленные образцы на две группы. Интерес вызывает сохранность некоторых лабильных соединений, очевидно, связанных с условиями бытования образцов.

Таким образом, в результате проведенных анализов были выявлены принципиальные различия в составах пигментов из II и IVб культурного слоя: образцы из II к.с. имеют более сложное строение и состав, чем образцы из IVб к.с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Губар Ю. С.* Элементный состав пигментов комплекса Костенки-14 (слои II и IV) // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Археология в исследованиях молодых». – Липецк, 2017. – С. 152–153.

2. *Праслов Н. Д.* Использование красок в палеолите // КСИА. – 1992. – Вып. 206. – С. 95–100.

3. *Синицын А. А.* Костенки 14 (Маркина гора) – опорная колонка культурных и геологических отложений палеолита Восточной Европы для периода 27–42 тыс. лет (GS-11–GI-3). Замятинский сборник. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН, 2015. – С. 40–59.

4. *Яншина О. В., Желтова М. Н.* Использование красных красок на верхнепалеолитической стоянке Костенки-1 (второй комплекс, слой I) // *Universum Humanitarium*. – 2018. – № 1. – С. 107–136.

Н. Е. Прилепская¹, Н. Д. Бурова², А. А. Сеницын²

¹Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова
РАН, Москва;

²Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

**СЕЗОННОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПАМЯТНИКА КОСТЕНКИ 14 (МАРКИНА ГОРА),
СЛОЙ IVa
(ПО ДАННЫМ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ
МЕТОДОВ)***

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-93-96

Верхнепалеолитический памятник Костенки 14 (Маркина гора) относится к многослойным стоянкам Костенковской группы. На нем зафиксировано наличие восьми четко стратифицированных культурных слоев и трех костеносных палеонтологических слоев, пока без археологического сопровождения. В настоящем исследовании внимание уделено культурному слою IVa, в котором было обнаружено большое количество костных остатков диких лошадей *Equus ferus* (Boddaert, 1785). Коллекция кремневого инвентаря невелика и недостаточна для культурной атрибуции. Возраст определяется интервалом 39,1–41,0 тыс. л.н. на основании радиоуглеродных дат 34 900±340 (OxA-21871) (cal. ~39,1–40,8 ka) и 35 270 ± 350 (OxA-21873) (cal. ~39,3–41,0 ka) [Wood et al., 2012; Сеницын, 2015].

Целью исследования является анализ и сравнение результатов определения сезона гибели лошадей из культурного слоя IVa, полученных разными методами. Для определения сезонности были использованы метод анализа ростовых слоев в цементе зубов млекопитающих и зооархеологический метод.

Изучение ростовых слоев в цементе зубов является хорошо зарекомендовавшим себя методом определения сезона гибели

© Прилепская Н. Е., Бурова Н. Д., Сеницын А. А., 2019

* Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ, проекты № 18-04-01301 и 17-06-10319

ли млекопитающих [Клевезаль, 1988; Gordon, 1991; Lieberman, 1993; Landon, 1993; Burke, Castanet, 1995].

Материалом для анализа ростовых слоев в цементе послужили зубы *E. ferus*. Использовались постоянные зубы, преимущественно коренные и предкоренные. Было изучено 27 зубов от разных особей. Исследованные зубы были отсканированы 3D сканером ArtecSpaceSpider с целью получения трехмерных моделей. Ростовые слои в цементе изучались в шлифах и аншлифах (Рис. 1).

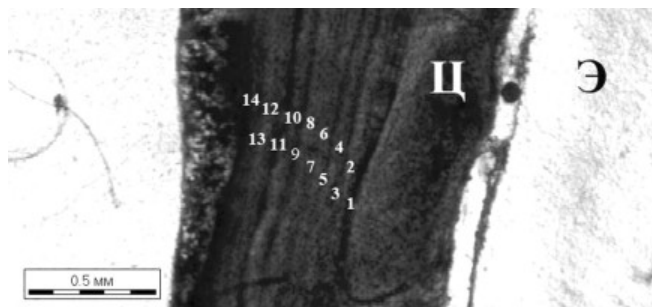

Рис. 1. Ростовые слои в зубном цементе дикой лошади *Equus ferus* из культурного слоя IVa археологического памятника Костенки 14 (Маркина гора). Фото шлифа внешней части верхнего, левого М1. Образец К-14-IVa-1998/П-69/№20р. Ц – цемент; Э – эмаль; 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13 – зимние элементы основных ростовых слоев; 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14 – летние элементы основных ростовых слоев. На внешнем крае цемента наблюдается полностью сформированный последний летний элемент (цифра 14), то есть его ширина равна или сопоставима с шириной предыдущих летних элементов. Активный рост летнего цемента отсутствует, следовательно, сезон гибели не может быть весной. Сезон гибели: осень-зима [Прилепская, 2017].

По анализу зубного цемента были получены результаты для 24 особей. Анализ показал различные сезоны гибели. При этом количество лошадей, погибших весной-летом (17 особей), более чем в два раза превышает количество лошадей, погибших осенью-зимой (7 особей).

В зооархеологических исследованиях при определении возраста животных чаще всего используют возрастные изменения

зубов, в том числе учитывается степень стертости резцов, у которых со временем изменяется форма жевательной поверхности и наклон в аркадах. Возрастные изменения скелета, то есть степень окостенения и прирастания эпифизов на элементах скелета, также имеют большое значение при определении индивидуального возраста и выделении возрастных групп. В ходе анализа было определено 4314 костных остатков *E. Ferus* минимум от 35 особей (подсчет проводился по пяточным костям).

По зооархеологическим данным среди ювенильных животных была найдена одна особь лошади моложе 8-9 месяцев гибель которой, скорее всего, могла произойти в конце осени – начале весны. По возрастному составу выделено 5 групп: моложе 2 лет (11, 4 %), от 2 до 5 лет (20 %), от 5 до 10 лет (31,6 %), от 10–15 лет (22,8 %), старше 15 лет (14,2 %).

Результаты, полученные разными методами, не противоречат друг другу и указывают на то, что гибель лошадей в культурном слое IVa происходила в разные сезоны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клевезаль Г. А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. – М.: Наука, 1988. – 288 с.
2. Прилепская Н. Е. Определение индивидуального возраста и сезона гибели по регистрирующим структурам зубов современных и ископаемых млекопитающих // Эволюционная и функциональная морфология позвоночных. Материалы Всероссийской конференции и школы для молодых ученых памяти Феликса Яновича Дзержинского. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017. – С. 247–255.
3. Синицын А. А. Костенки 14 (Маркина гора) — опорная колонка культурных и геологических отложений палеолита Восточной Европы для периода 27–42 тыс. лет (GS-11–GI-3)2 // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Замятинский сборник. Вып. 4. – СПб.: МАЭ РАН, 2015. – С. 40–59.
4. Burke A., Castanet J. Histological Observations of Cementum Growth in Horse Teeth and their Application to Archaeology // Journal of Archaeological Science. – 1995. – Vol. 22. – № 4. – P. 479–493.
5. Gordon B. C. Archaeological seasonality using incremental structures in teeth. An annotated bibliography. Zooarchaeological Research News, Special Publication. – 1991. – P. 151.

6. *Landon D. B.* Testing a seasonal slaughter model for colonial New England using tooth cementum increment analysis // *Journal of Archaeological Science*. – 1993. – № 20. – P. 439–455.

7. *Lieberman D. E.* Life history variables preserved in dental cementum microstructure // *Science*. – № 261. – 1993. – P. 1962–1964.

8. *Wood R. E., Douka K., Boscato P., Haesaerts P., Sinitsyn A., Higham T. F. G.* Testing the ABOx-SC method: Dating known-age charcoals associated with the Campanian Ignimbrite // *Quaternary Geochronology*. – 2012. – Vol. 9. – P. 16–26.

**С. В. Васильев¹, С. Б. Боруцкая², М. М. Герасимова¹,
А. А. Бессуднов³, А. А. Артюшенко³**

¹*Институт этнологии и антропологии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва;*

²*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва;*

³*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ СКЕЛЕТА РЕБЕНКА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ НА СТОЯНКЕ КОСТЕНКИ 18*

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-97-102

Погребение ребенка из Костенок 18, обнаруженное А. Н. Рогачевым в 1954 г., является единственным на сегодняшний день граветтийским захоронением в Восточной Европе [Sinitsyn, 2004]. Недавно полученная прямая Нур-дата по ребру около 23,2 тыс. С14 л.н. хорошо соотносится с наиболее ранними датами для стоянок костенковско-авдеевской культуры в Костенках [Reynolds et al., 2017] и вновь поднимает важную проблему длительности существования этой культуры на Русской равнине. Вместе с тем полной публикации всех особенностей погребения и реконструкции обряда до сих пор не существует, что побуждает обратиться к детальному изучению скелетных остатков ребенка из Костенок 18.

Череп и нижняя челюсть ребенка из погребения на стоянке Костенки 18 хранятся в МАЭ (№ 6728). Череп склеен из значительного числа обломков; в систематическом каталоге написано, что правая височная, левая скуловая и ветви нижней челюсти разрушены, остальные кости имеют крупные дефекты. Реконструкция черепа была выполнена Т. С. Сурниной и представляется убедительной. Череп был изучен Г. Ф. Дебецем [Дебец, 1961]. Автор предварительной публикации, признавая большую долю условности в реставрации, тем не

© Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Герасимова М. М., Бессуднов А. А., Артюшенко А. А., 2019

* Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ 18-39-20009, а также в рамках темы государственной работы № 0184-2019-0001

менее считал возможным дать метрическую характеристику этому черепу. Определение видовой принадлежности погребенного ребенка не вызывало сомнений: он принадлежал человеку современного вида. Более детальное место ребенка из Костенок 18 среди других европейских форм верхнепалеолитического времени определить затруднительно. Г. Ф. Дебец считал, что детский череп из этого погребения и череп взрослого мужчины из Костенок 2 принадлежат кроманьонскому варианту палеоевропеоидной расы, из Костенок 15 – брношведмостскому, а из Костенок 14 – гримальдийскому. Иначе говоря, можно предположить, что памятники костенковской группы принадлежат племенам разного происхождения.

Для использования информации о детских черепах при сравнения их со взрослыми, В.П. Алексеевым была применена разработанная им шкала пересчета метрических характеристик детских черепов во взрослые и приведены размеры «взрослых» черепов, в том числе из Костенок 18 и 15 [Алексеев, 1978. Табл. 46]. Автор делает вывод, что морфологические особенности детских черепов верхнего палеолита при сравнении со взрослыми европейскими формами «позволяют отметить те же отличительные типологические черты: сравнительно низкий и широкий лицевой скелет, большие размеры черепной коробки, преимущественно долихокранную ее форму, тенденцию к брахикефалии у отдельных находок [Алексеев, 1978. С. 177]. В связи с подготовкой к публикации монографии, посвященной 100-летию юбилею раскопок в Костенках, М. М. Герасимовой было предпринято повторное исследование палеоантропологических находок из Костенок [Герасимова, 1982. С. 245–257], в том числе и из Костенок 18. Было зафиксировано, что большая часть полученных Г. Ф. Дебецем размеров на черепе, может быть взята лишь приблизительно. Высота и ширина лица, высота и ширина носа и орбит, угловые размеры, характеризующие горизонтальную и вертикальную профилированность лица, вообще не могут быть взяты – для их адекватной реконструкции не было достаточных оснований. Более того, перекочевывая из публикации в публикацию, эти данные, приведенные Г. Ф. Дебецем

достаточно осторожно с учетом ошибок в некоторых случаях от 3 до 5 мм в ту или иную сторону, утратили предположительность и приобрели определенность. Череп ребенка, возраст которого Г. Ф. Дебецем определен в 9–10 лет, массивный, длинный и широкий, его высота от порионов – невысокая. Ширина лба большая даже для взрослого человека. Лобные и теменные бугры хорошо выражены, затылок имеет округлую форму. Для черепа характерна значительная выраженность рельефа, особенно выйного. Надбровные дуги выражены слабо, но их протяженность значительна. Сохранившийся сосцевидный отросток небольшой. Обращает на себя внимание чрезвычайно широкое межорбитное расстояние (26 мм), большая ширина (10 мм) и фронтальная развернутость сохранившейся части лобного отростка верхней челюсти и широкий корень носа (10 мм). Г. Ф. Дебецем не были опубликованы измерения нижней челюсти, что было сделано позже М. М. Герасимовой: передняя ширина (46 мм), высота симфиза (26 мм), высота тела (26 мм) и толщина тела (11, 14,6, 17 мм) на различных участках [Герасимова, 1982. С. 249]. Несмотря на всю условность приема пересчета детских размеров черепа во взрослые, несомненно, что по строению мозговой коробки вариант, представленный в Костенках 18 отличается от варианта черепа, представленного в Костенках 15 [Якимов, 1957], что соответствует предварительному заключению Г. Ф. Дебеца. Одонтометрические и одонтоскопические исследования показали черты западного одонтологического (надрасового) ствола с мозаикой архаических и прогрессивных признаков: большую величину вестибуло-лингвальных диаметров верхних моляров, преобладающую величину коронки второго моляра, а с другой стороны – малую величину нижнего клыка и 4-х бугорковую форму вторых нижних моляров [Халдеева, 2006. С. 171–185]. Спецификой этой формы является сочетание черт западного одонтологического ствола с отдельными элементами экваториального типа (выраженная выпуклость вестибулярной поверхности резцов, развитые передняя и задняя ямки на нижних молярах [Зубов, 2019. С. 352]).

Работа с костями посткраниального скелета была затруднена крайне сильной фрагментарностью материала и нередкой невозможностью очистить кости от грунта, пропитанного клеем. Плохая сохранность скелета могла быть вызвана разными причинами: долгим временем нахождения костных останков в земле, воздействием температур, воды, подземных животных, иными причинами. Посткраниальный костный материал для хранения был помещен в несколько упаковок, которые, возможно, соответствуют этапам забора скелетного материала из погребения. Было определено следующее:

1. Конгломерат грунта серого цвета, с находящейся в нем нижней части грудной клетки (фрагменты трех левых ребер, разрушенные 10, 11 и 12 грудные позвонки, очень небольшой участок первого поясничного позвонка с хорошо выраженным правым поперечным отростком).

2. Уплотненный конгломерат грунта с разрушенными и фрагментарными четырьмя ребрами.

3. Фрагмент еще одного левого ребра.

4. Фрагмент правого ребра, приклеенного к правому верхнему сочленовному отростку грудного позвонка. Еще фрагмент ребра, фрагмент, вероятно, подвздошной кости. Очень небольшие фрагменты, вероятно, диафизов длинных костей. Мелкие неопределенные фрагменты. Кость, похожая на дистальную фалангу первого пальца стопы взрослого человека (кость крупная, с гиперостозом).

5. Два фрагмента эпистрофея (второго шейного позвонка) взрослого человека. Пирамида (без основания) левой височной кости. Анатомически похожа на кость человека. Особенностью является очень небольшая яремная ямка. Обнаружена также разрушенная полудунная кость кисти человека и мелкие фрагменты стенок трубчатых костей.

6. Фрагмент нижней области большеберцовой кости, скорее всего, взрослого человека. Здесь же присутствуют фрагменты ребер и небольшой участок лопатки с основанием лопаточной ости. Обнаружена также головка плечевой кости, скорее всего, ребенка. Фрагменты мелких ребер, фрагменты позвонков, фрагменты стенок диафизов трубчатых костей,

таза, ребер, фаланга кисти без эпифизов, фрагмент первой плюсневой кости.

7. Две проксимальные фаланги, медиальная и дистальная, – с не приросшим нижним эпифизом, пальцев кисти, медиальная фаланга пальца (не 1) стопы, фрагмент первой плюсневой кости стопы, фрагмент тела лучевой кости, фрагмент тела детской большеберцовой кости, еще фрагмент большеберцовой кости, участки ребер, обломки трубчатых костей.

8. Мелкие фрагменты трубчатых костей и позвонков, в том числе фрагмент тела позвонка без краевых кантов.

9. Фаланга кисти, очень мелкие фрагменты костей черепа. Один из них – вероятно, от затылочной кости. Склеенные грунтом фрагменты ребер. Имеются фрагменты костей, которые нам не удалось опознать как человеческие. Здесь же обнаружен в куске грунта зуб ребенка (закладка коронки, еще почти без шейки, второго нижнего коренного зуба (моляра)). По этому зубу можно дать возраст индивиду – 7–8 лет. В этой же упаковке найден небольшой отщеп из черного мелового патинизированного кремня.

10. Головка бедренной кости ребенка. Видно, что она была не приросшей к диафизу. Фрагмент головки плеча, фрагмент первого ребра, фрагмент крестцового позвонка и смятый фрагмент диафиза бедра.

11. Фрагменты костей черепа, которые нам не удалось опознать, как человеческие.

Таким образом, можно говорить, что в погребении Костенки 18 кости посткраниального скелета отличаются крайне плохой сохранностью. Возраст индивида мы определили как 7–8 лет. Не исключено, что в погребении или где-то рядом находились кости и взрослого индивида, а также кости животных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев В. П.* Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. – М.: Наука, 1978. – 284 с.

2. *Герасимова М. М.* Палеоантропологические находки // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / под ред. Н. Д. Праслова и А.Н. Рогачева. – Л.: Наука, 1982. – С. 245–257.

3. Дебец Г. Ф. Череп из позднепалеолитического погребения в Покровском логу (Костенки XVIII) // КСИА. – 1961. – Вып. 82. – С. 120–127.
4. Зубов А. А. Палеоантропологическая родословная человека. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. – М.: Изд-во ИТРК, 2019. – 464 с.
5. Халдеева Н. И. Результаты одонтологического изучения черепа Костенки-18 (6728) // Васильев С. В., Зубов А. А., Герасимова М. М., Боруцкая С. Б., Кожин П. М., Халдеева Н. И. Доисторический человек. Биологические и социальные аспекты. – М.: Оргсервис, 2006. – С. 171–185.
6. Якимов В. П. Позднепалеолитический ребенок из погребения на Городцовой стоянке в Костенках // Сб. МАЭ. – 1957. – Т. 17. – С. 515–529.
7. Sinitzyn A. A. Les sepultures de Kostenki: chronologie, attribution culturelle, rite funeraire // La spiritualite. Actes du Colloque international de Liege (10–12 decembre 2003). – Liege, 2004. – P. 237–244.
8. Reynolds N., Dinnis R., Bessudnov A. A., Devière T., Higham T. The Kostenki 18 child burial and the cultural and funerary landscape of Mid Upper Palaeolithic European Russia // *Antiquity*. – Vol. 91. – Issue: 360. – December 2017. – P. 1435–1450 (<https://doi.org/10.15184/aqu.2017.150>)

А. А. Зейналов

Институт археологии и этнографии НАНА, Азербайджан, Баку

**МУСТЬЕРСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ЛЕВОБОЕРЕЖЬЯ КУРЫ
(АЗЕРБАЙДЖАН, ДЖЕЙРАНЧЕЛЬСКАЯ СТЕПЬ)**

DOI: doi.org/10.31600/978-5-9273-2863-5-2019-103-106

Археологическая наука в Азербайджане, взявшая свое начало еще в XIX веке, только спустя десятилетия обратила свой взор на древнейший его период – древнекаменный век и это несмотря на то, что к началу 50-х годов прошлого века не только на Кавказе, но и на сопредельных территориях в Турции, Иране уже были открыты и частично исследованы палеолитические стоянки.

Первые специальные исследования каменного века были организованы в конце 1953 года под руководством С. Н. Замятнина и М. М. Гусейнова. Исследования были сосредоточены на поиске пещер, гротов, скальных навесов – естественных убежищ, где могли найти прибежище люди каменного века.

Внимание исследователей привлек грот Дамджылы на западе Азербайджана. У подножия отвесной скалы горы Авейдаг расположены два грота в 50 метрах друг от друга. В одном из них – наиболее большом – основном, с потолка капает вода, почему пещера и была названа «Дамджылы» – «Капающая».

Первый же разведочный шурф в первом, основном гроте, дал положительный результат – в гроте Дамджылы была открыта первая в Азербайджане среднепалеолитическая стоянка [Hüseynov, 1959. S. 1076].

За последние почти 70 лет, со времени открытия первой палеолитической стоянки в гроте Дамджылы, в Азербайджане открыто и исследовано более 40 памятников пещерного и открытого типов в которых представлены все стадии палеолита от олдована в его локальной форме – куручайской культуры до позднего палеолита. Четко стратифицированные отложения с мустьерской культурой обнаружены

в пещерах Азых (III слой), Таглар, Газма и Бузеир, а также открытые стоянки, преимущественно в западном регионе Азербайджана.

Здесь в 1962–1966 гг. М. М. Мансуровым было открыто и исследовано более 20 ашельских и мустьерских местонахождений открытого типа. Среди мустьерских памятников наибольшую известность получили Гадыр-дере, Чынгыл-тепе, Узун-дере, Чахмаглы, Маралы и Кочаскер.

В 1986–1990 годах М. М. Мансуровым при повторном проведении разведочных работ в Джейранчельской степи на западе Азербайджана был открыт ряд древне- и среднепалеолитических памятников (Гара дюз, Гарабыг, Сары бурун) [Mənsurov, 2002].

Все три памятника расположены на левом берегу реки Кура, в Джейранчельской степи на северо-востоке озера Аггель, в силу чего они были объединены в группу Аг-гельских палеолитических памятников [Azərbaycan arxeologiyası, 2008, S. 308]. Два из них – Гара дюз и Сары бурун – это ашельские памятники, Гарабыг – среднепалеолитический.

Если Гара дюз – это древнеашельский памятник, то упоминание памятника Сары бурун здесь вполне уместно, так как типология каменного инвентаря характерна для поздней стадии ашеля с элементами раннего мустье. Наряду с типично ашельскими артефактами здесь присутствует большое количество черепаховидных нуклеусов на фоне незначительного количества леваллуазских отщепов и пластин.

Среднепалеолитическим же памятником в этой группе является стоянка-мастерская Гарабыг, расположенная на бакинской террасе. Мощность культурного слоя незначительная – чуть более 20 см. Каменная индустрия памятника состоит из 164 предметов. Типологически коллекция содержит различные нуклеусы – 44 экз., двусторонние чопперы – 2 экз., зубчатые орудия – 5 экз., скребла – 30 экз.

В 2012 году, во время разведочных работ на левобережье Куры, в Джейранчельской степи, палеолитической экспедицией была открыта среднепалеолитическая стоянка открытого типа Гара тепе, названная по одноименной близлежащей

горе. Административно стоянка расположена в Товузском районе Азербайджана, на восточной периферии горы Гара тепе (выс. 518,3м), на высоте 460 м над уровнем моря [Зейналов и др., 2013]. Участок находится в междуречье рек Кура и Габырры (Иори). Междуречье образовано выровненными поверхностями, которые срезают дислоцированные породы плейстоцена-плиоцена.

Находки локализуются на склоне южной экспозиции небольшой балки глубиной порядка 10 м. Склоны балки пологие. Балка является одним из подпритоков системы крупного оврага Эйридере.

Всего на стоянке Гара тепе было обнаружено 12 каменных изделий. Судя по сырью и его сохранности, вероятно, что здесь представлено два комплекса, среди которых выделяются три группы артефактов. Первые две группы представляют один комплекс.

Первая группа – один скол из обсидиана, с негативами мелких снятий и фасеток, образующих скребковидное лезвие.

Вторая группа – 4 предмета (3 из кремня и 1 из кварца):

– ядрище из кремня коричневого цвета с вкраплениями.

На поверхности отдельности породы сохранилась естественная корка, с подготовленной ретушированной ударной площадкой нуклеуса снят один скол;

– нуклевидное изделие из кварца;

– дистальный обломок крупного отщеп кремнистой породы, сохранились 2/3 предмета. Ударная площадка обломана. На спинке – негативы предшествующих снятий;

– корочный пластинчатый отщеп с обломанной дистальной частью и с гладкой ударной площадкой. Орудие оглажено, края несут следы утилизации.

Третья группа орудий – 7 предметов – выполнена на гальках. Среди них выделяются три крупных отщеп, сильно оглаженных.

На спинке одного из них имеется негатив предшествующего снятия крупного отщеп. Второй, корочный скол, - бордового цвета с негативом предшествующего снятия и естественной коркой на спинке. Третий представляет собой базальный

фрагмент отщепа на светло-серой гальке с подготовленной ударной площадкой.

В третьей группе орудий также выделены:

– базальный фрагмент пластинчатого отщепа со свежим обломом ударной площадки. Фрагмент оглажен и имеет глубокую патину;

– две намеренно разбитые гальки: мелкая галька с негативом снятия отщепа и удлиненная галька с негативами пластинчатых снятий;

– клювовидное орудие на крупном нуклевидном обломке зеленовато-серой породы. Обломок имеет многочисленные следы предшествующих снятий. Лезвие орудия оформлено обивкой и разновеликой чешуйчатой ретушью. Клюв выделен мелкой крутой ретушью. Изделие сильно оглажено.

Джейранчельская степь расположена вдоль азербайджано-грузинской границы, в 500 км западнее Баку. Пустынный район протяженностью более 100 км и шириной более 25 км является очень перспективной областью, где велика вероятность обнаружения палеолитических местонахождений, иллюстрирующих все этапы палеолита.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зейналов А. А., Кулаков С. А., Идрисов И. А., Эйбатов Т. М., Авшарова И. Н., Мустафаев И. М., Сулейманов Т. Я. Новые памятники каменного века в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана // *Azərbaycan arxeologiyası və Etnoqrafiyası*. – 2013. – № 1. – S. 4–22.

2. *Azərbaycan arxeologiyası. Daş dövrü: 6 cilddə, I c.* – Bakı: Şərq-Qərb, 2008. – 445 s.

3. *Hüseynov M. M. Avey dağında daş dövrü mağarası // Azərbaycan SSR EA-nın Məruzələri*. – 1959. – XV c. – № 11. – S. 1071–1076.

4. *Mənsurov M. M. Orta kür hövzəsinin paleolit mədəniyyəti / 2000–2001-ci illərdə aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatların yekunlarına həsr olunmuş elmi sessiya*. – Bakı: Elm, 2002. – S. 85–88.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭАЕ	Археология, этнография и антропология Евразии
ВГСК	Воронежский губернский статистический комитет
ВГУ	Воронежский государственный университет
ВОКМ	Воронежский областной краеведческий музей
ВУАК	Воронежская ученая архивная комиссия
ГАВО	Государственный архив Воронежской области
ЗИН РАН	Зоологический институт Российской академии наук
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
КБР	Костенковско-Борщевской район
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГПУ	Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
ЛОИА АН СССР	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАЭ	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МИС	морская изотопная стадия
МОИП	Московское общество испытателей природы
МППК	микропластина с притупленным краем
НА ИА РАН	Научный архив Института археологии Российской академии наук
НАНА	Национальная Академия наук Азербайджана
ОСЛ	оптически стимулированная люминесценция
РА	Российская археология
РАИМК	Российская Академия истории материальной культуры
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
ЦЧКИ	Центрально-Черноземное книжное издательство
АМН	Anatomically Modern Humans

ERAUL	Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège
EUP	Early Upper Palaeolithic
GI	Greenland Interstadial
GS	Greenland Stadial
HE	Heinrich event
IFRAO	International Federation of Rock Art Organizations
IUP	Initial Upper Palaeolithic
LGM	Late Glacial Maximum
LRE	Lincombien – Ranisien – Jerzmanowicien
UISPP	Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артюшенко Алексей Александрович – младший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)

Бессуднов Александр Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)

Бессуднов Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк)

Боруцкая Светлана Борисовна – кандидат биологических наук, доцент кафедры антропологии Московского государственного университета (г. Москва)

Бурова Наталья Дмитриевна – научный сотрудник Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)

Васильев Сергей Александрович – доктор исторических наук, заведующий Отделом палеолита Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)

Васильев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий Центром физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва)

Герасимова Маргарита Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва)

Губар Юлия Сергеевна – лаборант Лаборатории междисциплинарного исследования первобытного искусства Евразии, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)

Дудин Александр Евгеньевич – главный хранитель Государственного археологического музея-заповедника «Костенки» (г. Воронеж)

Желтова Мария Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)

Захарова Елена Юрьевна – доктор исторических наук, доцент Воронежского государственного университета (г. Воронеж)

Зейналов Азад Асад оглы – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку)

Зеленин Егор Александрович – кандидат геолого-минералогических наук, заведующий Лабораторией неотектоники и современной геодинамики Геологического института РАН (г. Москва)

Зражевская Татьяна Дмитриевна – доктор юридических наук, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, профессор Воронежского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации

Карпущина Наталья Валерьевна – кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии РАН (г. Москва)

Константинов Евгений Александрович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН (г. Москва)

Котлярова Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, и.о. директора Государственного археологического музея-заповедника «Костенки» (г. Воронеж)

Кулаков Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)

Лада Антон Русланович – лаборант Института истории материальной культуры РАН, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Лбова Людмила Валентиновна – доктор исторических наук, заведующая Лабораторией междисциплинарного исследования первобытного искусства Евразии, профессор кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск)

Лисицын Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)

Мазнева Елена Андреевна – младший научный сотрудник Института географии РАН (г. Москва)

Малютина Анна Андреевна – младший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)

Новикова Анна Владиславовна – аспирант географического факультета Московского государственного университета (г. Москва)

Панин Андрей Валерьевич – доктор географических наук, заведующий лабораторией эволюционной географии Института географии РАН (г. Москва)

Пономарева Вера Викторовна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения РАН (г. Петропавловск-Камчатский)

Портнягин Максим Владимирович – GEOMAR (г. Киль, Германия)

Прилепская Наталья Евгеньевна – Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (г. Москва)

Родионов Антон Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий отделом обеспечения сохранности объектов культурного наследия Природного, архитектурно-археологического музея-заповедника «Дивногорье» (г. Воронеж)

Седов Сергей Николаевич – кандидат биологических наук, профессор Национального автономного университета Мексики (г. Мехико, Мексика), Тюменский государственный университет (г. Тюмень)

Синицын Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)

Степанова Ксения Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)

Толстых Дарья Сергеевна – младший научный сотрудник Государственного археологического музея-заповедника «Костенки», Воронежский государственный университет (г. Воронеж)

Урюпов Сергей Олегович – сотрудник Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург)

Научное издание

**ДРЕВНЕЙШИЙ ПАЛЕОЛИТ КОСТЕНОК:
ХРОНОЛОГИЯ, СТРАТИГРАФИЯ,
КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ**
(к 140-летию археологических исследований
в Костенковско-Борщевском районе)

*Материалы
межрегиональной научно-практической конференции*

Издано в авторской редакции

Подписано в печать 12.08.2019. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 6,5. Тираж 300 экз. Заказ 515

Издательский дом ВГУ

394018 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ

394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

